

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

ЛИ ЧАЙЛД

& ЭНДРЮ ЧАЙЛД

ДЖЕК РИЧЕР:

ЛУЧШЕ
БЫТЬ
МЕРТВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Джек Ричер

Ли Чайлд

**Джек Ричер: Лучше
быть мертвым**

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Чайлд Л.

Джек Ричер: Лучше быть мертвым / Л. Чайлд — «Азбука-Аттикус», 2021 — (Джек Ричер)

ISBN 978-5-389-22235-9

Джек Ричер, бывший военный полицейский, путешествует налегке и зачастую пешком. Он не ищет приключений, но... В общем, было бы удивительно, если бы он прошел мимо джипа, который врезался в одинокое дерево на пустынной дороге в штате Аризона. За рулем находилась женщина, однако при попытке помочь ей Ричер вдруг ощутил, как в него упирается ствол пистолета... Вот такое вышло знакомство. Женщина оказалась Микаэлой Фентон, сотрудницей ФБР, разыскивающей своего пропавшего брата-близнеца, который, похоже, связался с очень опасными людьми. Теперь, чтобы встретиться с лидером этой преступной группировки, Ричеру предстоит совершить невозможное, и это будет самой рискованной работой в его жизни. Неудача – не вариант, потому что в играх подобного рода проигравшему всегда лучше умереть. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-22235-9

© Чайлд Л., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	48
Глава 13	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ли Чайлд, Эндрю Чайлд

Джек Ричер: Лучше быть мертвым

Lee Child and Andrew Child
BETTER OFF DEAD

Copyright © Lee Child and Andrew Child, 2021

© В. Г. Яковлева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Джейн и Таше

Глава 1

В одиннадцать вечера, как и договаривались, незнакомец занял позицию под уличным фонарем.

Найти его было легко – фонарь стоял как раз там, где незнакомцу было сказано. На приграничной территории это был единственный фонарь футах в шести от неровной металлической изгороди, разделяющей Соединенные Штаты и Мексику, который все еще работал.

Незнакомец был один. И не вооружен.

Как и было условлено.

Автомобиль появился в 23:02. Он проехал в центр пространства между двумя параллельными рядами гаражей. Они тоже были сделаны из металла. От палящего солнца крыши их покоробились. Стенки дочиستا выскоблены ветром и песком. Пять гаражей с правой стороны. И четыре – с левой. Здесь же, в десяти футах, валялись обломки еще одного, дырявые и изъеденные ржавчиной, – похоже было на то, что когда-то, много лет назад, внутри его что-то взорвалось.

Фары автомобиля светили так ярко, что определить его марку было довольно трудно. А разглядеть, кто сидит внутри, вообще невозможно. Он проехал еще немного вперед и остановился в пятнадцати футах, окутанный облаком песчаной пыли, слегка покачиваясь на изношенных рессорах.

Передние дверцы открылись. Обе. Из машины вышли двое мужчин.

Не так, как договаривались.

Открылись и обе задние дверцы. Оттуда вышли еще двое.

А так уж точно не договаривались.

Все четверо смерили незнакомца взглядом. Им сообщили заранее, что человек, который будет их ждать, мужчина довольно крупный. Этот под описание вполне подходил. Шесть футов пять дюймов ростом. Двести пятьдесят фунтов весом, не меньше. Грудь с оружейный шкаф, ручищи как ковш экскаватора. Обросший и нечесаный. Голова давно не мыта, волосы грязные. На лице многодневная щетина. Одежда грошовая и висит на нем как на вешалке, чего, правда, нельзя сказать про обувь. Словом, нечто среднее между бродягой и неандертальцем. Мимо такого просто так не пройдешь – сразу в глаза бросается.

Водила сделал шаг вперед. Он был на пару дюймов ниже незнакомца и фунтов на пятьдесят с гаком полегче. Одет в черные джинсы и черную футболку без рукавов. На ногах военного образца ботинки, тоже черные. Голова гладко выбрита, а лицо полностью скрыто густой бородой. Остальные последовали его примеру и выстроились с ним в один ряд.

– Деньги, – сказал водила.

Незнакомец похлопал по заднему карману джинсов.

– Отлично, – сказал водила и кивнул в сторону машины. – Заднее сиденье. Залезай.

– Зачем это?

– Отвезу тебя к Майклу.

– Мы так не договаривались.

– Именно так.

– Договор был о том, – покачал головой незнакомец, – что ты мне расскажешь, где находится Майкл.

– Расскажу. Или покажу. Какая разница?

Незнакомец промолчал.

– Ну, давай-давай. Чего ждешь? Гони денежки и садись в машину.

– Уговор дороже денег. Хочешь денег – скажи, где Майкл.

- Условия изменились, – пожал плечами водила. – Не нравится – нам плевать.
- Да, не нравится.
- Ты меня достал! – Водила завел руку за спину и выхватил из-за пояса пистолет. – Быстро в машину.
- Выходит, ты и не собирался отвезти меня к Майклу?
- Неужели?
- Ты хотел отвезти меня к кому-то другому. К тому, у кого ко мне есть вопросы. Так?
- Хватит болтать. Залезай.
- А это значит, стрелять ты в меня не станешь.
- Это значит, убивать не стану. Пока. А ногу прострелить – раз плюнуть.
- Правда? – поинтересовался незнакомец.

Дальнейшее развитие событий сторонний наблюдатель описал бы так: через неуловимую долю секунды незнакомец непостижимым образом оказался стоящим к четверым почти вплотную. Схватив водилу за запястье, он вздернул его руку вверх – так рыболов делает подсечку, когда у него клюнуло. Рука водилы задралась гораздо выше его головы. Настолько высоко, что тот вынужден был даже встать на цыпочки. А левый кулак незнакомец немедленно вонзил в него сбоку. Причем сильно. Так сильно, что от такого удара обычный человек валится с ног. И больше уже не встает. Только вот водила не упал. Не смог. Оставался как бы в подвешенном за руку состоянии. Ноги его заскользили назад. Пистолет выпал из руки. Плечевой сустав вывихнулся. Сухожилия растянулись. Ребра переломались. Словом, одно за другим на него обрушилась целая лавина чудовищных повреждений. И каждое само по себе было чудовищным. Но в тот момент бедняга вряд ли заметил хоть одно из них. Поскольку вся верхняя часть его тела содрогалась от страшной боли. Молнии этой жгучей боли пронизывали его насквозь, и все били из одного места. А именно из области подмышки, где у человека прямо под кожей уютно расположился плотный клубок нервов и лимфатических узлов. Тот самый, в который только что вонзился жесткий кулак.

Незнакомец подобрал пистолет водилы, а самого его подтащил и уложил на покрытый тусклым лаком капот машины. Задыхаясь, бедняга лишь повизгивал и корчился на нем. А незнакомец повернулся к остальным трем.

– Советую вам, ребята, по-быстрому сваливать отсюда. Чем быстрее, тем лучше. Пока у вас еще есть такой шанс.

Стоящий в центре этой троицы сделал шаг вперед. Он был примерно одного роста с водилой. Разве что чуть пошире. Волосы коротко острижены. Лицо выбрито. На шее толстая серебряная цепь. А на морде мерзкая ухмылочка.

– Разок тебе повезло, – прохрипел он. – Но только разок. Залезай-ка в машину, а то я сделаю тебе больно.

– Серьезно? – снова поинтересовался незнакомец. – Опять?

А сам не двинулся с места. Он заметил, как все трое незаметно переглянулись. И сразу прикинул: если не дураки, то попытаются применить прием тактического отхода. Или же, если достаточно опытные, бросятся на него все разом. Но сначала один из них должен обойти его сзади. Сделает вид, что хочет посмотреть, что там с раненым. Или – что испугался и хочет спрятаться в машине. Или даже удрать вообще. А потом, когда он будет уже на позиции, они атакуют втроем. Одновременно с трех направлений. Один при этом наверняка пострадает. Возможно, двое. Но вот у третьего может появиться шанс. Если подвернется удобный случай. И он сумеет им воспользоваться.

Но они оказались дураками. И опыта, судя по всему, никакого. О тактическом отходе, видно, не слыхивали. И зайти со спины никто даже не попытался. Какое там... Тот, что стоял по центру, сделал еще шаг вперед, причем в одиночку. Изобразил идиотскую, якобы бойцовскую

стойку. Издал не менее идиотский вопль. Сделал вид, будто наносит удар кулаком в лицо. А другой кулак выбросил в солнечное сплетение. Тыльной стороной руки незнакомец отбил этот удар, а правым кулаком с торчащей средней костяшкой ткнул противника в бицепс. Тот взвизгнул и отскочил назад – подмышечный нерв его был парализован, и рука временно вышла из строя.

– Еще раз советую... поскорее убирайтесь отсюда, – сказал незнакомец. – Не то зашибу.

Давешний противник снова ринулся вперед. На этот раз маскировать свои действия он и не пытался. Весь вложил в страшный, размашистый удар здоровой рукой. Незнакомый откинулся назад. Кулак нападающего пролетел мимо. Незнакомец проводил его взглядом, потом вонзил костяшку кулака ему прямо в трицепс. Теперь в неисправном состоянии оказалась и вторая рука противника.

– Топай отсюда, – повторил свое предложение незнакомец. – Пока способен ходить.

Но бедолага все не унимался. Выпад. Правая нога его взвилась вверх. Сначала бедро, за ним и стопа с коленом. С максимальной мощностью. Целясь незнакомцу между ног. Но до цели стопа так и не долетела. А все потому, что незнакомец тут же ответил ударом ногой. Очень коварным ударом. Точным и проходящим по низкой траектории. И попал противнику прямехонько в голень. И на максимальной скорости. Нашла коса на камень. Кость на носок ботинка незнакомца. А ботинки у него, как было замечено, крепкие. Их он купил много лет назад в Лондоне. С многослойной кожаной подошвой, на хорошем, крепком клею. Проверенные временем. Затвердевшие в результате воздействия дурной погоды. Прочные, как сталь.

Щиколотка противника затрещала. Он завопил, точно резаный, отпрянул назад. Потерял равновесие и обрести его снова не смог – руки-то не работали. Стопа его коснулась земли. Концы раздробленной кости со скрипом соединились. Ногу пронзила адская боль. Казалось, каждый нерв в ней раскалился добела. Такого выдержать его организм уже не смог. Еще полсекунды он пребывал в вертикальном положении, хотя сознание уже успел потерять. Потом опрокинулся на спину и остался лежать неподвижно, как поваленное дерево.

Двое других тут же показали незнакомцу тыл и рванули к машине. Но передние дверцы они миновали. И мимо задних тоже проскочили. Добежали до багажника. Крышка багажника откинулась вверх. Один из бегунов нырнул в него и пропал из виду. Тот, что поменьше ростом. Потом появился снова. И теперь в каждой руке он держал по предмету. Что-то похожее на бейсбольные биты, но длиннее. И утолщения на концах не круглые, а квадратные, с ровными ребрами. Рукоятки кирки. Или топорщица колуна. В умелых руках оружие очень эффективное. Одну дубинку он передал тому, что повыше ростом, потом парочка вернулась обратно и остановилась от незнакомца футах в четырех.

– Ну что, переломать тебе ноги? – спросил тот, что повыше, и облизнул губы. – На вопросы отвечать ты сумеешь. А вот ходить уже вряд ли. Разве что с палочкой. Так что хватит тут трахать нам мозги. Давай в машину. И поехали.

Еще раз предупредить их незнакомец не стал. И без того с самого начала был с ними вполне откровенен. Сами виноваты, раз уж решили лезть на рожон.

Тот, что пониже, размахнулся было, но остановился. Тогда его примеру последовал тот, что повыше. Но размахнулся уже по-настоящему. И вложил в размах весь свой вес. Хотя такой прием – гиблое дело. Так обращаться с подобным оружием – серьезная промашка. Шаг назад – и тяжелая деревянная дубина просвистела у незнакомца мимо живота. И инерция неумолимо заставила ее продолжить движение по дуговой траектории. Дубина была слишком велика, чтобы боец смог остановить ее полет. Обе руки его словно прилипли к рукоятке. Следовательно, голова оставалась незащищенной. А также торс. И колени тоже. Целый набор соблазнительных, совершенно незащищенных целей, бей – не хочу. В любой другой день незнакомец так бы и сделал. Но в данном случае времени оказалось маловато. Так что высокий сумел выпутаться. Его выручил верный товарищ. Перехватив топорщицу, как копье, он ткнул им незна-

комцу в живот. В первый раз – не входя в контакт, стараясь лишь привлечь к себе внимание незнакомца. Потом ткнул во второй раз, надеясь оттеснить его назад. Затем бросился вперед. Это был кульминационный момент. Или стал бы таковым, не замешкайся чуть-чуть этот тип со своей дубинкой. И не упрись ногами в землю слишком твердо. Так что, когда он выбросил вперед свое так называемое копьё, незнакомец уже просчитал все заранее. Он сдвинулся в сторону. Схватился за топориче как раз посередине. И рванул на себя. Сильно рванул. Атакующий на ярд протащился вперед и только потом понял, что происходит. И выпустил топориче из рук. Но было уже поздно. Судьба его была предрешена. Незнакомец взмахнул трофеем и резко, словно в руках у него был настоящий топор, а перед ним стояла чурка, опустил оружие на голову противника. Тот закатил глаза. Колени подкосились, он сразу весь обмяк и бездыханной тушей свалился к ногам незнакомца. Теперь он встанет очень не скоро. Тут и к гадалке не ходи.

Тот, что повыше ростом, бросил быстрый взгляд вниз. Увидел на земле бесформенные очертания товарища. И взмахнул своим топоричем. Целясь неизвестному в голову. На этот раз удар он наносил гораздо резче. Явно хотел отомстить за друга. А также остаться в живых. И промазал. Опять. А сам подставился. Тоже опять. Но на этот раз спасло его нечто другое. А именно тот факт, что он оставался последним из своего небольшого отряда, кто еще мог держаться на ногах. Другими словами, единственно доступным источником информации. Теперь он являл собой стратегическую ценность. Что предоставило ему шанс еще раз взмахнуть своей булавой. Он так и сделал, а незнакомец тут же парировал. Но этот упрямец продолжал наступать, размахивая топоричем направо и налево, направо и налево, как лесоруб, у которого крыша поехала. Ему удалось на полной скорости сделать еще с десяток таких движений, однако дальше рубить он не смог – выдохся.

– Да ну его на хрен! – сказал он, бросил топориче и, сунув руку за спину, выхватил пистолет. – Плевать мне на все, что ты должен там рассказать. Сдохни, скотина.

Он сделал два шага назад. А ведь следовало бы сделать три. Увы, не взял в расчет длину рук незнакомца.

– Давай-ка не будем с тобой торопиться, – сказал незнакомец.

Легким, неуловимым движением он взмахнул своим топоричем, и пистолет отлетел в сторону. Потом шагнул к противнику и схватил его за шкирку.

– Может, мы с тобой еще и прокатимся, – продолжил он. – Так вышло, что у меня самого появились к тебе вопросы. И ты сможешь...

– Стой! – раздался вдруг женский голос.

Голос уверенный. Властный. Он прилетел из тени, которую отбрасывал правый ряд гаражей. Словом, на сцену явился новый персонаж. А ведь незнакомец прибыл на место в восемь часов вечера, то есть на три часа раньше назначенного, и прошерстил каждый дюйм территории. И был уверен, что здесь нет больше ни единой живой души.

– Отпусти его.

От мрака густых теней отделился человеческий силуэт. Женский. Ростом примерно пять футов десять дюймов. Худоцава, стройна. Слегка прихрамывает. Обе руки держит перед собой, видны неясные очертания зажатого в пальцах, тускло поблескивающего пистолета.

– Отойди в сторону.

Незнакомец и не подумал. Пленника продолжал держать все так же крепко.

Женщина медлила. Пленник находился между ней и незнакомцем. Позиция, конечно, не идеальная. Но пленник на шесть дюймов ниже. И стоит слегка в стороне. Значит, все-таки можно стрелять прицельно. Скажем, незнакомцу в грудь. Прямо в выступающий прямоугольник. Размерами где-то шесть дюймов на десять. А что, довольно приличный по площади, прикинула она. И расположен более или менее удачно. Она сделала вдох. Медленно выдохнула. И нажала на спусковой крючок.

Незнакомца отбросило назад. Он упал на землю, широко раскинув руки, одно колено приподнято, голова повернута лицом в сторону пограничной ограды. Не шевелится. Совсем. Рубаха рваная, в дырках. Грудь покрыта липкой, отсвечивающей красной жидкостью. Но фонтана крови не видно. И никаких признаков сердцебиения.

Никаких признаков жизни вообще.

Эту прилизанную, опрятную территорию сейчас все называют словом «Плаза»¹, а когда-то здесь простирался обширный и густой лес. В основном американский черный орех. Деревья безмятежно росли здесь веками. Но вот в семидесятых годах девятнадцатого столетия одному купцу на пути в Калифорнию и обратно пришлось в голову устроить в этом месте привал и в тени деревьев дать отдых своим уставшим мулам. Местечко так ему приглянулось, что он в конце концов построил себе здесь хижину. А когда совсем состарился и не смог больше трястись по стране на мулах, он продал своих животных и остался здесь навсегда.

Его примеру последовали и другие. Хижина обросла домами и превратилась в деревню. Деревня выросла в небольшой городок. Городок раскололся на две половины – так делится живая клетка, когда начинает активно размножаться. Обе половины стали быстро расти. Одна распространялась в южную сторону. Другая – в сторону севера. Постоянный рост продолжался много лет. Потом наступил застой. За ним и упадок. Медленный, непрерывный и зловещий. Пока в конце тридцатых годов двадцатого века не произошел неожиданный и благодатный толчок. Сюда вдруг нагрянула целая армия инспекторов, землемеров и геодезистов. За ними подтянулись рабочие. Строители. Инженеры. Даже кое-какие художники и скульпторы. Всех их в эти места прислала организация под названием WPA².

Ни один человек из местных понятия не имел, почему были выбраны эти две половинки одного городишки. Кто говорил, что по ошибке. Мол, какой-то чиновник-бюрократ неправильно прочитал запись в папке и направил ресурсы не туда, куда было положено. Другие предполагали, что в Вашингтоне какая-то шишка что-то задолжала местному градоначальнику. Но какой бы причина ни была, против перемен никто не возражал. Да и кто будет возражать, если в этих местах стали прокладываться новые дороги. Строиться новые мосты. И возводиться новые, самые разные постройки. Работы по осуществлению проекта длились много лет. И оставили после себя, можно сказать, неизгладимый отпечаток. Арочные строения из необожженного кирпича, характерные для обоих городов, смотрелись теперь более правильными. Здания приобрели единообразный вид. Планировка улиц выглядела строже. Стали чаще появляться блага щедрой современной цивилизации. Строились школы. Возникали муниципальные учреждения. Службы пожарной охраны. Полицейские участки. Появилось здание суда. Музей. А также медицинский центр.

Но через несколько десятилетий деньги у правительства иссякли и численность населения снова стала сокращаться. Некоторые объекты отжили свой век и обветшали. Другие были по дешевке распроданы. Третьи снесены. Но вот медицинский центр продолжал оставаться основным учреждением здравоохранения на много миль в округе. В него входил медицинский кабинет. Аптека. Больница на пару десятков коек. Педиатрическое отделение с помещениями для родителей, которые могли бы жить здесь вместе со своими больными детишками. И даже морг, да благословит Господь щедрость тех планирующих органов «Нового курса». Морг, конечно, припрятали подальше, глубоко в подвальном помещении. Где следующим утром должен был работать доктор Улье.

---

¹ «Плаза» – придорожный сервисный комплекс.

² WPA (Works Progress Administration) – Управление общественных работ, федеральное независимое агентство, созданное в 1935 году по инициативе Ф. Рузвельта и ставшее основным в системе трудоустройства безработных.

Доктору Улье от роду было семьдесят два года. Он служил этому городу всю жизнь. Когда-то он трудился в дружной команде вместе со своими коллегами. А теперь вот остался единственным в городе врачом. Он нес ответственность за все медицинское обслуживание, начиная с акушерства и кончая лечением простуды и диагностикой рака. А также производил необходимую работу с умершими. Вот почему в тот день он был на службе так рано. Дежурство его началось чуть ли не с полуночи. Ему позвонили и сообщили о стрельбе на окраине города. Такое событие всегда привлекает к себе внимание. Он знал это по собственному опыту. И теперь ждал визита. Который должен состояться совсем скоро. И ему нужно быть к нему готовым.

На его рабочем столе стоял компьютер, но он был выключен. Свои записи доктор предпочитал делать от руки. Так лучше запоминаешь. У него была своя форма ведения записей. Он сам ее для себя придумал. Не идеал, конечно, но работала хорошо. Куда уж лучше всего того, что ему навязывали эти умники из Силиконовой долины. А главное, это касалось данной, в частности, ситуации, не в электронном виде, куда может добраться всякий. Доктор Улье уселся за стол, взял авторучку, подаренную ему еще отцом по окончании медицинского колледжа, и принялся записывать результаты ночной работы.

В дверь без стука вошел человек. Не поздоровался. Хотя бы из вежливости. Просто открылась дверь, и он вошел. Все такой же, как и обычно. Возрастом чуть за сорок, густые вьющиеся волосы, костюм из коричневой парусины. «Перки»³ – так доктор Улье про себя называл его за упругую, подпрыгивающую походку. Настоящего имени его он не знал. Да и не очень хотелось.

Перки начал с дальнего конца помещения, где расположены холодильные камеры. «Мясохранилище», как окрестил это место доктор Улье после многих лет работы с его содержанием. Туда вел ряд из пяти стальных дверей. Перки подошел к ним, по очереди внимательно осмотрел каждую ручку, хотя прикоснуться не стал. Он никогда этого не делал. Двинулся дальше, к стоящему посередине помещения прозекторскому столу. Осмотрел также ряд стальных тележек, выстроившихся у дальней стенки, возле стерилизационного автоклава. А уж потом подошел к столу.

– Телефон, – сказал он и протянул руку.

Доктор Улье передал ему свой мобильник. Перки проверил его, убедился, что он не записывает, сунул аппарат в карман штанов и повернулся к двери.

– Чисто, – сказал он.

В помещение вошел еще один человек. «Мантис»⁴ – так прозвал его доктор Улье, потому что всякий раз, когда он смотрел на этого человека с его длинными худыми конечностями, угловатым корпусом и глазами навыкате, ему в голову приходил образ именно этого насекомого. На щеке Мантиса остался большой треугольный шрам от ожога, и впечатление дополняла похожая на клешню правая рука с тремя отсутствующими пальцами. Доктор Улье знал и настоящее имя этого человека. Ваад Дендонкер. Это имя в городе знал всякий, даже если его самого ни разу не видел.

Вслед за Дендонкером вошел третий. Он был чем-то похож на Перки, но волосы у него были прямее, костюм темнее. А лицо было столь невыразительное и манера двигаться столь бесшумная, крадущаяся, что доктор Улье так и не смог подобрать ему подходящего прозвища.

Дендонкер остановился посередине помещения. В резком свете лампы его бледные волосы были почти невидимы. Он медленно сделал оборот на триста шестьдесят градусов, оглядывая все помещение. Потом повернулся к доктору Улье.

---

³ От *англ.* perky – веселый, бойкий, самоуверенный, наглый, задорный.

⁴ От *англ.* mantis – богомол.

– Показывай, – приказал он.

Доктор Улье пересек комнату. Посмотрел на часы, затем повернул штурвал, открывающий центральную дверь мясохранилища. Выдвинул консольную полку на роликах, где лежало накрытое простыней тело. Это был человек высокого роста. Занимал почти всю полку в длину. И вообще очень крупный, широкоплечий. Плечи едва помещались в пространстве ячейки. Доктор Улье медленно приподнял простыню, открывая голову мертвого. Мужчина. Густые волосы спутаны. Черты бледного лица резкие, глаза закрыты, закреплены лентой.

– Отойди, – сказал Дендонкер.

Он отпихнул доктора Улье в сторону. Сорвал с трупа простыню, бросил ее на пол. Тело было обнажено. Если скульптура Давида работы Микеланджело была создана, для того чтобы воплотить в себе красоту мужского тела, то лежащий перед ним человек вполне мог бы с ней соперничать. Но только воплощая в себе скорее противоположные его качества. Изящества в нем не найти было ни на йоту. Как и утонченности. Одно лишь воплощение зверской силы и грубости. В чистом виде.

– Это, что ли, стало причиной смерти? – спросил Дендонкер, указывая на грудь трупа.

В ней зияла слегка припухшая рана. Края неровные, рваные и уже успели побуреть.

– Ну да, у этого парня была бурная жизнь, – ответил доктор Улье и посмотрел на часы. – Кто бы сомневался.

– В него и раньше стреляли, – сказал Дендонкер, указывая на шрамы с другой стороны груди. – Да и вот еще.

– Шрам на животе? – бросил на него быстрый взгляд доктор Улье. – Прямо как морское чудище. Наверное, кто-то всадил в него нож.

– Это не ножевая рана. Это что-то совсем другое.

– Например?

– Не важно. Что еще мы про него знаем?

– Не много.

Доктор Улье поднял простыню и накрыл ею труп с головой.

Дендонкер сорвал простыню и снова швырнул ее на пол. Он еще не закончил разглядывать самый большой шрам на теле трупа.

– Я говорил с шерифом, – сказал доктор Улье, направляясь к столу. – Возможно, парень был бродягой. В приграничной гостинице он снял номер. Внес деньги до следующих выходных, заплатил наличными, но вещей его там не оказалось. И адрес постоянного проживания у него фальшивый. Ист-стрит, сто шестьдесят один, Бронкс, Нью-Йорк.

– Откуда ты знаешь, что фальшивый?

– Я там бывал. Это все равно что сказать «Янки-стадиум»⁵. И имя в гостинице он назвал ненастоящее. Зарегистрировался как Джон Смит.

– Смит? Вполне могло быть его настоящим именем.

Доктор Улье покачал головой. Он достал из верхнего ящика стола пластиковый пакет «зиплок» и протянул Дендонкеру.

– Смотрите сами, – сказал он. – Это было у него в кармане.

Дендонкер открыл пакет и достал оттуда паспорт. Старый и сильно потрепанный. Он открыл его на второй странице. Где указаны личные данные.

– У него же истек срок годности.

– Это не важно. Паспорт все равно действительный. Посмотрите на фото. Старое, конечно, но лицо то же самое.

– Ладно. Ну-ка посмотрим. Имя: Ричер, Джек, прочерк. Гражданство: Соединенные Штаты Америки. Место рождения: Берлин, Западная Германия. Интересно.

---

⁵ Янки-стадиум – бейсбольный стадион, расположенный в Южном Бронксе, Нью-Йорк.

Дендонкер еще раз посмотрел на мертвое тело. На шрам на животе.

– Может, он Майкла и не искал. Может, меня искал. И очень хорошо, что эта шизанутая пристрелила его.

Дендонкер отвернулся и швырнул паспорт в мусорный бачок, стоящий рядом со столом доктора Улье.

– Каковы результаты осмотра?

Доктор Улье протянул ему бумагу, которую только недавно заполнил. Дендонкер прочитал каждый пункт дважды, потом скомкал бумагу, и она полетела вслед за паспортом в тот же бачок.

– Все это сжечь. – Он повернулся к двоим, которые пришли вместе с ним. – Избавьтесь от тела. В обычном месте.

Глава 2

В первый раз я столкнулся с женщиной, которая слегка прихрамывала, за два дня до этих событий. Мы встретились с ней на дороге за чертой города с его тускло освещенной, заставленной гаражами приграничной территорией, с его медицинским центром, где работал доктор Улье. Дорога была пуста. Я шагал себе пешком. А женщина проехала в джипе. Военного образца. Старом. Возможно, еще времен вьетнамской войны. Трафаретной маркировки на нем я не разобрал, совсем выцвела. Окраска зеленовато-желтая, заляпанная грязью и покрытая белесой пылью. Без крыши. Без дверец. Ветровое стекло лежит на капоте, но не закреплено. Каркасы для крепления канистр с бензином пусты, ремни для коробок с инструментами празднично свисают. Протекторы на покрышках стерлись донельзя. Двигатель молчит. Запасного колеса не видно. В общем, сказать, что тачка в хорошем состоянии, было трудно.

Солнце стояло высоко. Думаю, градусник показал бы больше восьмидесяти⁶, хотя и ненамного, но спрятаться от солнца было некуда, и поэтому казалось, что воздух прогрелся сильнее. По спине у меня бежали капельки пота. Ветер усиливался, и поднятый им песок жалил щеки. Утром, когда я еще только проснулся, прогулка пешком в мои планы не входила. Но наши планы частенько меняются. И не всегда к лучшему. И планы этой женщины, кажется, тоже приняли нежелательный оборот. Вот здесь она резко затормозила, машина пошла юзом по выжженному солнцем асфальту, оставив на дороге в виде следа приличную часть еще сохранившейся на колесах резины. А здесь джип съехал с дороги и врезался в ствол дерева. Низкорослого такого, кривого и некрасивого, на ветках которого не осталось почти ни листочка. Такое дерево вряд ли получит приз на конкурсе красоты. Это ясно как дважды два. Но вот крепким оно было – это точно. Единственное растение на многие мили в обе стороны, которое выросло выше человеческого пояса. Если бы та, что сидела за рулем, не справилась на этой дороге с управлением в любом другом месте, она попала бы разве что в заросли растущего по обе стороны кустарника. И вполне могла бы выехать задним ходом обратно. Пейзаж выглядел так, будто толпа великанов запустила под грубое зеленое одеяло свои лапищи с широко растопыренными пальцами.

Как эта баба умудрилась врезаться именно в дерево – загадка. Может быть, ее ослепило яркое солнце. А может, на дорогу выскочил какой-то зверек или птичка спикировала. Вряд ли тут вмешалась другая машина, это маловероятно. Кто знает, может, у нее были неприятности, плохое настроение, и она сделала это нарочно. Но какой бы ни была причина ее аварии, сейчас решать эту проблему не время.

От удара женщина врезалась грудью в рулевое колесо. Вытянутая вперед левая рука лежит на упавшем на капот ветровом стекле. Ладонь раскрыта, словно женщина молила дерево о помощи. Правая рука сложена на животе. Голова опущена, смотрит вниз, в пол у себя под ногами. Сидит совершенно неподвижно. Никаких признаков кровотечения, а также повреждений. И это хорошо. Но и дыхания тоже не слышно. Надо пощупать пульс или как-то еще убедиться, что она жива. Я подошел к джипу вплотную. Протянул руку к шее, медленно, осторожно. Убрал в сторону волосы и нащупал сонную артерию. И вдруг женщина выпрямилась. Очень быстро. И развернулась ко мне лицом.левой рукой отбросила прочь мою руку. А правой уперла ствол мне в живот. Секунду выждала – видно, хотела убедиться, что я не собираюсь вести себя плохо. И буду слушать ее внимательно. Это было понятно.

– Сделай шаг назад, – приказала она. – Но только один, не больше.

Говорила твердо, но спокойно, в голосе не чувствовалось ни страха, ни сомнения.

---

⁶ Градусы по шкале Фаренгейта, около 27 °С.

Я повиновался. Сделал шаг назад. Правда, довольно большой. И тут я понял, почему она смотрела сквозь рулевое колесо вниз, на пол машины. Между педалью газа и туннелем карданного вала был зажат осколок зеркала. Должно быть, она нарочно обломала его так, чтобы он как раз там поместился и она смогла бы узнать о том, что к ней кто-то приблизился.

– А где твой приятель? – спросила она и повертела головой вправо и влево.

– Тут никого больше нет, – ответил я. – Я один.

Взгляд ее метнулся к зеркалу заднего вида. Оно было развернуто под таким углом, чтобы видеть всякого, кто крадется у нее за спиной.

– Тебя одного послали? Ты это серьезно?

Женщина проговорила это тоном, исполненным обиды и разочарования. Она уже начала мне нравиться.

– Никто меня никуда не посылал, – ответил я.

– Хватит врать.

В подкрепление своих слов она ткнула пистолетом в мою сторону.

– Впрочем, плевать. Один или целая команда, какая разница? Дела это не меняет. Выкладывай, где Майкл. Прямо сейчас. И не вздумай вилять, иначе прострелю тебе пузо и оставлю здесь помирать.

– Я бы очень хотел тебе все рассказать, – сказал я и поднял руки вверх, ладонями к ней. – Но тут есть одна проблема. Не могу. Я не знаю, кто такой Майкл.

– Да ладно... – Она помолчала, снова оглядываясь. – Погоди-ка... А где твоя машина?

– У меня нет машины.

– Не умничай. Где твой джип? Или мотоцикл? На чем ты сюда приехал?

– Я пришел сюда пешком.

– Что за чушь собачья?!

– Ты что, разве слышала шум мотора? Или другого механизма?

– Ладно, – выдержав долгую паузу, сказала она. – Ты пришел пешком. Откуда? И зачем?

– Сбавь обороты, – дружелюбно произнес я, чтобы она ненароком не обиделась. – Давай вместе подумаем. Я могу разложить перед тобой по полочкам весь свой день, минуту за минутой. И в других обстоятельствах был бы просто счастлив сделать это. Но сейчас разве тебе интересно слушать, как я готовился к дороге? Может, лучше спросить, тот ли я человек, которого ты ждешь? У которого есть информация о Майкле?

Она ничего не ответила.

– Потому что если я не тот, кто тебе нужен, и если он явится, когда я буду еще здесь, то твоя комбинация с автомобильной аварией не работает.

Она продолжала молчать.

– И вообще, существует ли закон, гласящий, что по этой дороге могут ходить только те люди, на которых ты устраиваешь засаду? А всем другим передвигаться по ней запрещено?

Я заметил, как она бросила быстрый взгляд на часы.

– Посмотри на меня. Я здесь сам по себе. Иду пешком. Не вооружен. Разве этого ты ожидала? Разве это тебе ни о чем не говорит?

Голова ее на дюйм повернулась влево, глаза сощурились. Через мгновение и я это уловил. Какой-то звук. Доносился издалека. Автомобильный двигатель. Работает неровно. Прерывисто. И тархтит все ближе.

– Время принимать решение, – сказал я.

Она по-прежнему молчала. Звук мотора становился все громче.

– Подумай про Майкла, – продолжил я. – Лично я не знаю, где он. Но если тот, кто к нам приближается, это знает, а ты будешь продолжать меня здесь удерживать, потеряешь свой шанс. И уже никогда этого не узнаешь.

Она все молчала. А двигатель работал еще громче. Она вдруг махнула рукой на другую сторону дороги:

– Беги вон туда. Быстро. Там в десяти ярдах канава. Под углом к дороге. Типа русло какого-то ручья. Высохшего. Спрячься там. Пригни пониже голову. И сиди тихо как мышка. Чтобы ни звука. Только не спугни их. Не сорви мне все дело. Если сорвешь...

– Не волнуйся, – откликнулся я уже на бегу. – Я все понял.

Глава 3

Канавка оказалась точно там, где женщина говорила. Я нашел ее без проблем. И залег в ней еще до того, как вдали показалась машина. В этом русле ручья было сухо. А что, прекрасное укрытие, подумал я. Но более важный вопрос заключался в том, стоит ли вообще прятаться. Или даже уходить отсюда.

Я осторожно выглянул, посмотрел в сторону джипа. Женщина приняла прежнюю позу, положив голову на рулевое колесо. Голову отвернула от меня в противоположную сторону. То есть в свое зеркальце она меня не видит. Я не сомневался в том, что она меня не заметит. А если и заметит, то вряд ли станет стрелять. Не захочет спугнуть того, кто к ней сейчас приближается.

Уйти отсюда было бы вполне разумным решением. Без всяких сомнений. Но тут появилась проблема. У меня возникли вопросы. И не один и не два, а целая куча. Например, кто она, эта женщина? Кто такой Майкл? Кто за ней охотится? И способна ли она в самом деле выстрелить человеку в живот и оставить его умирать?

Я снова выглянул, посмотрел на дорогу. Увидел вдали окутанное облаком пыли пятнышко. Прикинул, что время еще есть, подобрал на высохшем дне ручья камень. Размером примерно с брикет шлакобетона. Установил его на кромке берега между собой и джипом. Нашел еще один, более узкий и плоский. Установил его под углом к первому и между ними оставил треугольное отверстие. Небольшое. Как раз такого размера, чтобы можно было смотреть одним глазом. Физика средней школы. Передо мной открывалось поле зрения, будто я гляжу сквозь невидимый конус. И джип как на ладони, и пространство вокруг него. В мою же сторону угол соответствующим образом сужался, и на таком расстоянии ни один человек не смог бы заметить, что я за ним наблюдаю.

В облаке пыли возник автомобиль. Еще один джип. И тоже военного образца. Он неотвратно приближался. Медленно, словно никуда не торопился. Когда он был уже совсем близко от меня, водитель, видно, заметил на асфальте след резкого торможения, свернул на обочину и остановился. В джипе сидело двое. Водила и пассажир. Оба в футболках защитного цвета. На головах бейсболки такого же цвета и зеркальные солнцезащитные очки. Между ними завязался оживленный разговор. Разговор сопровождался выразительной жестикуляцией, включающей взмахи рук в сторону дерева. Это говорило о том, что они совсем не ожидали никого здесь увидеть. Или не ожидали увидеть никого в таком же, как у них, джипе, что могло означать, что они из той же компании. Или же не ожидали ни того ни другого. Я подумал, что они сейчас станут куда-то звонить, докладывать об изменении обстановки. Спросят, не будет ли в связи с этим новых приказаний. Или, если они ребята толковые, вообще поскорее уберутся отсюда. Но они ничего такого не делали. Они снова поехали вперед, еще быстрее, чем прежде, подъехали к стоящему джипу со стороны сиденья водителя и остановились.

– Невероятно, – произнес сидящий на пассажирском сиденье, спрыгнул на землю и встал между двумя машинами.

Мне была видна рукоятка пистолета, торчащая из-за пояса его свободных, с большими накладными карманами штанов. Рукоятка с довольно потертой насечкой.

– Она, что ли?

Водитель тоже выбрался, обошел машину кругом и встал рядом с товарищем. Положил руки на бедра. И у него тоже был пистолет.

– Твою мать! – выругался он. – Дендонкер здорово разозлится.

– А нам-то что до этого, – сказал пассажир и взялся за рукоять пистолета. – Давай быстро. Работаем.

– Она хоть живая? – спросил водитель и почесал макушку.

– Надеюсь, – отозвался пассажир и сделал шаг вперед. – Сейчас слегка позабавимся. Заслужили.

Он протянул свободную руку к шее женщины.

– Ты когда-нибудь занимался этим с калекками? Я – нет. Но всегда интересно было, какие ощущения.

Водитель подошел к нему вплотную.

– Я... – начал он.

Женщина выпрямилась. Повернулась к ним. Подняла пистолет. И выстрелила пассажиру прямо в лицо. Верхнюю часть его черепа снесло к чертовой матери. Сначала она была на месте. А через мгновение превратилась в плывущее по воздуху розовое облачко. А кепка, порхая, упала на землю. Тело повалилось назад. В падении все еще вытянутая вперед рука развернулась и успела шлепнуть водителя по бедру. Шея убитого со стуком ударилась об открытую дверцу его джипа.

Водитель полез за своей пушкой. Схватил правой рукой. Потянул из-за пояса. И успел вытащить примерно на три четверти. Попытался выхватить. Но видно, уж очень спешил. А это грубая ошибка. Ствол зацепился за пояс. Рука соскользнула с рукоятки. Пушка свободно повисла. Рукоятка перевесила, и пушка упала. Водитель попытался ее подхватить. Но не получилось. Наклонился, с безумным видом принялся шарить рукой по грязной земле и тут вдруг увидел пистолет в руке женщины. Ствол его двигался. Остановился, уставившись прямо ему в лицо. Водитель замер. Потом отпрыгнул назад. Нырнул, укрывшись за ее джипом. На карачках прокрался на пару ярдов вперед. Добрался до дороги, вскочил на ноги. Побежал. Женщина, сидя на месте, развернулась. Задержала дыхание. Прицелилась. Нажала на спусковой крючок. Похоже, пуля свистнула всего в дюйме от уха беглеца, чуть не оторвала. Он метнулся влево, шлепнулся на землю и два раза перевернулся. Женщина выбралась из машины. Подошла к ней сзади. Тут я в первый раз заметил, что она припадает на левую ногу. Женщина подождала, когда беглец вскочит на ноги, и снова пальнула. На этот раз пуля попробовала оторвать ему левое ухо. Он шарахнулся в противоположную сторону, снова бросился на землю и, по-змеиному извиваясь всем телом, пополз вперед.

– Стой! – крикнула женщина, – похоже, она уже начала терять терпение.

Беглец упрямо продолжал ползти.

– На этот раз я не промахнусь, – проговорила она. – Но убивать я тебя не стану. Просто перебью позвоночник, и все.

Беглец шустро перевернулся на спину, словно это могло как-то защитить ему позвоночник. Пару раз дрыгнул ногами, отталкиваясь от земли, словно хотел поплыть. Правда, у него ничего не вышло. Лишь поднял вокруг себя облако пыли, но вперед продвинулся всего на несколько дюймов. Руки и ноги его обмякли. Голова бессильно упала на землю. Он закрыл глаза. Какое-то время лежал, тяжело дыша. Потом сел и вытянул руки ладонями вперед, словно защищаясь от невидимой нечистой силы.

– Послушай... давай поговорим, – начал он визгливым, дрожащим голосом. – Зачем ты так... все можно сделать по-другому. Давай я повешу все на напарника. Скажу боссу, что это он все устроил. Что мы приехали сюда, но никого здесь не было, и он наставил на меня пушку... потому что всегда был иуда и провокатор... но я оказался быстрее. Труп у нас есть. Вот тебе и доказательство, верно? И все, и больше ничего не надо?

– Встань.

– У нас получится. Я все устрою, и мне поверят. Обещаю. Только не убивай меня. Прошу тебя.

– Встань.

– Ты не понимаешь. У меня было...

Женщина подняла пистолет:

– Вставай, или я прострелю тебе ногу. А потом посмотрю, как тебя будут звать калекой.

– Не надо, прошу тебя!

Он кое-как поднялся на ноги.

– Отойди назад.

Беглец сделал шаг назад. Совсем маленький.

– Дальше.

Еще шаг. Теперь она была вне его досягаемости, на случай если он окажется настолько тупым, что попробует попытаться и стукнуть ее кулаком или ногой. Он стоял по стойке смирно, ноги вместе, руки по швам. Идиотская стойка. Я вспомнил танцора, которого видел на улице Бостона много лет назад, тот тоже принимал такую позу перед началом своей пляски.

– Молодец. Теперь вот что. Хочешь остаться живым?

– О да, конечно! – Он часто-часто закивал, как сувенирная кукла.

– Отлично. Я, пожалуй, пойду на это. Но сначала ты должен кое-что для меня сделать.

– Все, что хочешь, – с готовностью проговорил беглец, продолжая кивать. – Говори, что делать.

– Скажи, где находится Майкл.

Глава 4

Человек перестал кивать, голова его замерла на месте. Он молчал, словно воды в рот набрал. Ноги все так же держал вместе. Руки все так же по швам. Но вся поза выглядела несуразно, его словно корчило, как будто он был чем-то смущен.

– Скажи, где найти Майкла. Не скажешь – убью. Но не сразу, как твоего дружка. Не дождешься. Все будет совсем не так.

Тот продолжал молчать.

– Ты когда-нибудь видел человека с пулей в животе? – спросила она и демонстративно направила ствол пистолета ему в область брюшной полости. – Знаешь, как долго они умирают? Как страдают от боли все это время?

Беглец открыл наконец рот и помотал головой:

– Нет, не делай этого. Я тебе все скажу.

И тут я понял, почему поза его показалась мне несколько странной. Дело было в его руках, которые он все еще держал по швам. Одна ладонь его была раскрыта. Левая. Но вот правая сжата в кулак. А запястье развернуто назад. Он что-то держал в этой руке и пытался утаить от нее этот факт. Мне захотелось крикнуть, предостеречь ее, но делать этого было нельзя. В такой важный момент отвлекать человека нельзя ни в коем случае, из этого не выйдет ничего хорошего.

– Ну? – сказала она стальным голосом.

– Значит, где находится Майкл. Ладно. Это, в общем, не так-то просто... но он...

Беглец резко вскинул правую руку, размахнулся. Пальцы его разжались, и прямо в лицо женщины полетела горсть крупного песка. Реакция ее была мгновенной. Она вскинула левую руку к глазам, развернулась на здоровой ноге и встала боком. Успела-таки увернуться от песчаной атаки и избежала худшего. Но от самого беглеца увернуться не смогла. Он бросился вперед, отбил ее руку в сторону и плечом врезался ей в грудь. Он был всего на каких-то пару дюймов выше ее ростом, но вот весом, пожалуй, был тяжелее не меньше чем фунтов на сорок. Удар сбил ее с ног. Она повалилась на спину. Но пистолета из пальцев так и не выпустила. Попыталась поднять ствол и прицелиться, но не успела: он наступил ботинком ей на запястье. Она продолжала сжимать пистолет. Он нажал подошвой сильнее. И еще поднажал. Она отчаянно взвизгнула и отпустила оружие. Ударом ноги он отбросил его подальше и, расставив ноги, навис над ее распростертым телом.

– Ну что, убогая. Сказал бы я, что не вышло по-твоему, «ботинок теперь на другой ноге»⁷, но не скажу: жалко тебя, одноногую, это было бы слишком жестоко.

Женщина лежала не двигаясь. Я встал. Беглец стоял ко мне спиной. До него было примерно пятнадцать ярдов.

– У моего дружка, – продолжил он, – были на тебя кое-какие планы.

Он принялся возиться со своими штанами.

– Что-то вроде последнего желания перед смертью. Мне кажется, я смогу это желание исполнить. Разок за него. И разок за себя. Может, и больше... как дело пойдет.

Я выбрался из канавы.

– А потом я тебя прикончу.

Беглец вытащил из штанов ремень и отбросил в сторону.

– Возможно, стрельну тебе в живот. И посмотрю, скоро ли ты издохнешь.

Я двинулся вниз по склону.

– А что, может, и не один час.

---

⁷ «Ботинок теперь на другой ноге» – английская поговорка, которая означает, что ситуация в корне изменилась.

Беглец принялся расстегивать ширинку.

– Может, даже целую ночь. Дендонкеру наплевать. Ему будет наплевать, в каком ты состоянии. Когда я тебя привезу, ты уже все равно сдохнешь.

Я сбавил шаг, стараясь ступать мягче. Под ногами гравий, не хотелось шуметь раньше времени.

Женщина слегка переместилась и вытянула обе руки вдоль тела.

– Ты, значит, знаешь про мою ногу. А ты молодец, наблюдательный. А про титан что-нибудь знаешь?

Руки беглеца застыли на ширинке.

Я добрался до асфальтового покрытия.

– Ну есть такой интересный металл, и что?

Женщина уперлась ладонями в землю:

– Сверхпрочный. Сверхлегкий. И сверхтвердый.

Женщина выбросила правую ногу вверх, согнула ее в колене и заехала протезом прямо ему в промежность. И попала! Точно спереди и по центру. Изо всей силы. Безукоризненный удар. Ни убавить ни прибавить. Беглец завопил было, потом задохнулся, согнулся пополам. И рухнул мордой прямо в придорожную пыль. Она вовремя успела откатиться в сторону, иначе он раздавил бы ее своей тушей. Она перекатилась еще пару раз и схватила свою пушку. И, помогая себе обеими руками, поднялась.

Я остановился на середине дороги и так стоял – одна нога впереди бледно-желтой разделительной линии, другая позади. Бедолага лег на бок и свернулся калачиком. Лежал и скулил, как собачонка, отведавшая кнута.

– Даю тебе последний шанс. – Женщина подняла ствол. – Майкл. Где его искать?

– Майкла давно уже нет, идиотка, – тяжело дыша, отозвался лежащий. – Все в прошлом. Забудь про него.

– В прошлом? Что ты хочешь этим сказать?

– Что я хочу этим сказать? А как сама думаешь? Придурка приводят к Дендонкеру на допрос, а потом... неужели не ясно?

– Да ясно, можешь не говорить, – глухо сказала она. – Но я должна сама убедиться.

– Как только Майкл начал мухлевать с секретными бумагами, он был уже покойник, – сказал лежащий и приподнял голову. – Ты же знаешь Дендонкера. Параноик, каких еще искать. Рано или поздно все равно узнал бы.

– Кто его убил? Ты?

– Нет. Клянусь.

– Тогда кто?

– Я думал, выпадет нам. Дендонкер велел нам быть готовыми, как только он закончит свои допросы. Мы отложили все другие дела. Когда за работу берется сам Дендонкер, долго никто не выдерживает. Сама знаешь. Мы были готовы. А потом он сказал, что мы не понадобились.

– Почему? Что изменилось?

– Не знаю. Меня там не было. Может, Майкл не очень торопился с ответами. Или лапшу на уши вешал. Или просто сердце не выдержало. В общем, боевую готовность Дендонкер отменил. А нынче утром послал нас за тобой.

Женщина секунду помолчала.

– А тело Майкла? – спросила она. – Где оно?

– Думаю, там, где обычно. Если от него еще что-то осталось.

Плечи женщины немного обмякли. Она опустила пистолет. Беглец снова свернулся калачиком. Рука его потянулась к лодыжке. Медленно и незаметно. Он вынул что-то из-за голенища сапога. Перевернулся на живот. И буквально через секунду уже стоял на ногах. А в правой

руке у него что-то сверкнуло, отражая солнечный луч. Лезвие. Короткое и широкое. Он бросился вперед. С поднятой вверх рукой. Раскачиваясь вправо и влево, по горизонтали. Попытался резануть лезвием женщине по лбу. Видно, хотел, чтобы кровь залила ей глаза. Чтобы ничего не видела. И не смогла точно прицелиться. Она откинулась назад, резко согнувшись в талии. У нее получилось. Он промахнулся. И перехватил нож в другую руку. Приготовился снова попытать счастья.

На этот раз она уже не колебалась. Просто нажала на спусковой крючок. Нападающего отбросило назад. Он выронил нож, пронзительно вскрикнул и обеими руками схватился за живот. На футболке в этом месте проступило темное пятно. Она попала ему прямо в живот. Именно туда, куда угрожал ей выстрелить он. Она шагнула к нему ближе. Стояла и смотрела на него сверху вниз. Прошло секунд тридцать. Наверняка самые долгие полминуты в жизни этого человека. Он извивался и стонал, обеими ладонями пытаясь остановить пробивающийся сквозь пальцы поток крови. Она сделала шаг назад. Потом подняла пистолет. Прицелилась ему в голову. И нажала на спусковой крючок. Еще раз.

Худо-бедно, а на некоторые свои вопросы ответы я получил. Но сейчас в голове возник еще один. Гораздо более насущный. Эта женщина убила двоих. Я видел это собственными глазами. И был единственный тому свидетель. И мне хотелось знать, что она собирается со всем этим делать. Ее действия можно классифицировать как самооборону, в этом я не сомневался. У нее есть что сказать в свое оправдание. И я бы не стал с этим спорить. Но она-то этого ни в коем разе не знала. А полагаться на поддержку какого-то незнакомца – предприятие рискованное. Да и любой суд обладает своими рисками и подводными камнями. Ловкость адвокатов, например. Настроение присяжных. Еще до того, как оказаться в зале судебного заседания, она провела бы в тюрьме не один месяц, это как пить дать. Перспектива сама по себе малоприятная. И таит много опасностей. Тюрьма не всегда увеличивает продолжительность жизни того, кто туда попадает.

Я шагнул вперед. Просто возвращаться назад не было смысла. Пара-другая дополнительных ярдов между нами вряд ли что-то изменит. В ее руке был пистолет «Глок-17». Один из самых надежных в мире. Показатель осечки – примерно одна на десять тысяч выстрелов. Прекрасные шансы с ее стороны ствола. А вот с моей стороны не очень. В магазине семнадцать патронов. Она сделала пять выстрелов, насколько я помню. Нет никакого повода думать, что магазин у нее был неполный. Значит, у нее осталось двенадцать патронов. И если что, вряд ли ей понадобится больше чем четверть этого боезапаса. Стрелок она превосходный. Я убедился в этом лично, видел собственными глазами. И если дело дойдет до крайних мер, за ней не заржавеет. Те двое, которые сейчас лежат на земле, убедились в этом на своем горьком опыте.

Я сделал еще один шаг. И тут же получил ответ на свой новый вопрос. Довольно неожиданный. Кивком головы женщина подозвала меня, повернулась и направилась к джипу. Подошла к нему сзади, прислонилась спиной. Пожала плечами. Вздохнула. Подняла пистолет. И прижала ствол к виску.

– Стой! – крикнул я и поспешил к ней. – Не надо!

– Ну уж нет, надо, – отозвалась она, глядя на меня большими чистыми глазами.

– Да нет же, ведь ты...

– Не подходи близко, – сказала она, выставив вперед ладонь свободной руки. – А то тебя с головы до ног забрызгает мозгами и кровью. Даю тебе три секунды. А потом спущу курок.

И я ей поверил. Я не знал, как ее можно было остановить.

– Но зачем? – Ничего умнее спросить мне в голову не пришло.

Она посмотрела на меня так, будто ответ столь очевиден, что вряд ли стоило тратить на него силы.

– Затем, – сказала она, – что я потеряла работу. Затем, что я опозорена. Что подставила под удар невинных людей. Что из-за меня убили моего брата. У меня ничего не осталось, ради чего можно жить. Лучше быть мертвой.

Глава 5

Потерять работу – не шутки. Уж я это знаю. Пережил на собственном опыте. Но по сравнению с потерей брата это ничто. Даже меньше, чем просто ничто. Я это тоже знаю. У меня в жизни такое было. А уж если считаешь, что виноват в смерти брата, груз на сердце еще тяжелее. Может, даже совсем неподъемный. И назад дороги для тебя больше нет, так тоже бывает. Но в этом я не был уверен. И надеялся, что выход есть и можно будет жить дальше. По крайней мере, в данном случае. Я надеялся, что этой женщине можно помочь, правда пока не знал, как именно. Мне понравилось в ней умение постоять за себя. И мне не хотелось, чтобы на этом для нее все закончилось, не хотелось, чтобы она валялась на обочине пустой дороги с собственной пулей в голове.

Поэтому я не стал отходить и посчитал в уме до трех. Медленно. На спусковой крючок она так и не нажала. И я не покрылся с головы до ног ее кровью и мозгами. И мне показалось, что это добрый знак.

– Я слышал, что говорил этот тип, – начал я и выждал еще две секунды, не отводя глаз от ее пальца на спусковом крючке. – Кто такой Майкл, твой брат?

– Был моим братом. – Она продолжала прижимать ствол к виску.

– И ты его искала?

– За это его и убили.

– Я имел в виду, искала ли ты его сама. Не обращаясь в полицию.

– То есть был ли он не в ладах с законом? Был ли преступником? Ты это хотел спросить?

И я отвечаю тебе: да, был. – Она опустила пистолет. – А ты молодец, догадливый.

– А ты сама как?

– Нет. Впрочем, да. С юридической точки зрения. Как соучастница. Но только потому, что внедрилась в группу Майкла. Пыталась вытащить его оттуда. Он и сам хотел от них уйти. Завязать с этим делом. Он прислал мне сообщение. Жаль, что ты его не знал. Хороший был человек. В душе. Во время последней военной экспедиции он сильно изменился. Считал, что военное руководство делает что-то не то. И это его сорвало с катушек. Он стал слишком чувствительным. А кое-кто этим воспользовался. И соблазнил его. Он принял несколько неверных решений. Это понятно. Но это на его совести. Я не собираюсь его оправдывать. Время было такое. Но это все не столь важно. В душе Майкл все равно оставался хорошим человеком. Я это знаю. Если бы я тогда связалась с ним вовремя...

– Я никого не осуждаю. И прекрасно понимаю, почему ты сразу не пошла в полицию. Но сейчас ситуация изменилась.

Женщина молчала.

– Тот, кто убил Майкла... – продолжил я. – Его ведь надо арестовать. Устроить судебное разбирательство. Заставить дать показания. И упрятать его за решетку на всю оставшуюся жизнь.

– Ничего не получится, – покачала она головой. – Тот, кто убил Майкла, очень осторожен. Он не оставил никаких улик. Даже если бы мне поверили, полиция искала бы месяц за месяцем и ничего бы на него не нашла.

– А если полиции и не нужно ничего искать? Мы сами можем навестить этого типа. Я слышал, как его зовут. Дендонкер?

– Ну да, эта сволочь.

– Мы могли бы с ним просто поговорить. И я уверен в том, что очень скоро он сам почувствовал бы острое желание во всем признаться. Главное – правильно его простимулировать.

На лице женщины появилась робкая, печальная улыбка.

– Я бы очень хотела нанести Дендонкеру визит. Поверь мне. Была бы возможность, я бы сию секунду это сделала. Но это невозможно.

– Нет ничего невозможного. Главное – как следует подготовиться.

– Но только не в данном случае. Добраться до Дендонкера еще никому не удавалось.

– Откуда ты знаешь?

– Сама пробовала.

– И что же тебе помешало?

– Прежде всего, никто никогда не знает, где он находится.

– Тогда сделай так, чтобы он сам к тебе пришел.

– Исключено. Он может появиться перед тобой только в одном конкретном случае.

– Тогда устрой для него этот конкретный случай.

– Очень хочу. Но боюсь, это все равно не поможет.

– Не понимаю.

– Он выходит из своего логова, только когда опасный для него человек мертв. Даже если он просто считает его опасным. Даже если ему всего лишь показалось или приснилось. И тогда он его убивает. А потом должен своими глазами увидеть его мертвое тело. У него будто параноидальная мания к этому. Он никому не верит на слово. Не доверяет фотографиям или видеозаписи, официальным свидетельствам о смерти или отчетам судебного следователя. Верит только собственным глазам.

Я помолчал, пытаюсь осмыслить услышанное, потом сказал:

– Выходит, нужны два человека.

– Что?

– Если таков стиль его поведения, то, чтобы застукать его, понадобятся два человека. Нас с тобой будет достаточно. Если станем работать вместе.

– Чушь собачья! Ты сам не знаешь, о чем толкуешь.

– Как ни странно, знаю. Я тринадцать лет ловил людей, которые очень не хотели, чтобы их взяли. И у меня неплохо получалось.

– Ты это серьезно?

– Абсолютно серьезно.

– Ты что, был охотником за головами?⁸

– Не угадала.

– Полицейским, что ли?

– Военная полиция.

– Серьезно? Глядя на тебя, этого не скажешь. И что потом с тобой приключилось?

На этот вопрос отвечать я не стал.

Женщина тоже помолчала минутку.

– А зачем нужно именно два человека? Не совсем понимаю.

– В свое время скажу. А сейчас перед тобой стоит вопрос: захват Дендонкера – стоит ради этого жить или нет?

Женщина пару раз моргнула, потом отвернулась, глядя куда-то за горизонт. Смотрела туда и молчала целую минуту. Потом заглянула мне прямо в глаза.

– Остановить... Схватить Дендонкера. Думаю, это будет только начало. Но вот два человека. Работающих вместе. Ты да я. Тебе-то зачем это надо?

– Майкл был солдатом. Ты тоже солдат. По тебе это сразу видно. У нас и так слишком много потерь. А мне что-то не хочется стоять в сторонке и смотреть, как пропадает впустую еще одна жизнь.

---

⁸ *Охотник за головами* – профессионал, за вознаграждение занимающийся розыском беглых преступников и дезертиров, а также лиц, подозреваемых в совершении преступлений и не явившихся на судебное заседание.

- Я не прошу тебя помогать мне.
  - А ты и не просишь. Это ведь я предлагаю.
  - Это очень опасно.
  - Переходить улицу тоже бывает опасно.
- Она секунду молчала.
- Ну хорошо. Но ты уверен, что у нас получится?
  - Конечно.
  - Обещаешь?
  - Конечно, – ответил я. – Подумай, стал бы я врать женщине, да еще с пистолетом в руке?

Глава 6

В буквальном смысле пальцы на удачу я не скрещивал, хотя, может быть, и стоило. Как захватить Дендонкера, я понятия не имел. Никаких реальных планов на этот счет у меня тоже не было. Как и сильного желания связываться с сумасшедшим. Насколько я знал, лично мне он ничего плохого не сделал.

Думаю, общий план наших действий предполагал наличие в нем определенной доли хитроумной интриги. Похоже было на то, что этот тип придумал собственную интерпретацию уловки-22⁹. Достаточно близко подобраться к нему с целью убийства можно было только при условии, когда сам находишься в состоянии, которое препятствует тебе убрать его. Что и говорить, остроумно. Да и сама задача сложная и интересная. Я не сомневался в том, что, если подумать как следует, решить ее можно. Во-первых, собрать побольше нужной информации. Может быть, придется задействовать какое-нибудь спецоборудование.

По правде говоря, я к подобным делам никогда не испытывал особого интереса. Но говорить на такие темы с этой женщиной не собирался. Я рассчитывал, что перспектива поимки убийцы ее брата – единственный способ, который поможет ей выбраться на берег. Иного представить себе не мог. Было бы глупо отбрасывать его, пока она не встанет на твердую почву. Даже более чем глупо. Преступно. Возможно, когда я говорил с ней о поимке человека, которого не знаю и ни разу в жизни не видел, я не был до конца серьезен. Но насчет того, чтобы реально помочь ей... тут я отвечал за каждое свое слово. Самоубийство... это явление унесло жизни слишком большого числа бывших военных. Да и одна жизнь – это уже много. Значит, если в моих силах предотвратить хотя бы одно самоубийство, я это сделаю.

Действовать я решил не спеша. И предоставить ей время самой понять, что лучше всего обратиться в полицию. Да, мне хотелось ее обмануть. На время, причем короткое. Лучше быть обманутой, чем мертвой.

Женщина оттолкнулась от джипа и секунду стояла неподвижно, уставившись взглядом в землю. Казалось, теперь она стала меньше ростом. Ссутулилась. Вся как-то поникла. Наконец подняла голову и посмотрела на меня. Сунула пистолет за пояс и протянула мне руку.

– Меня зовут Микаэла. Микаэла Фентон. И перед тем, как ты что-нибудь скажешь... да, именно так, Майкл и Микаэла. Мы были близняшки. И родителям казалось, это очень мило и остроумно. Нам так не казалось.

– А меня зовут Ричер, – пожав плечами, сказал я.

Длинная и узкая ладонь ее была прохладна. Ее пальцы обхватили мои. Она сжала их, и я ощутил в ладони едва заметную дрожь.

– Ну что ж, Ричер. – Микаэла убрала руку, посмотрела налево, потом направо, и плечи ее поникли еще больше. – У нас с тобой трупы. Надо с ними что-то делать. Есть идеи?

Вопрос неплохой. Если бы Дендонкер послал своих головорезов по мою душу, я бы оставил их тела в таком месте, где бы он легко нашел их. Например, на лужайке перед его логовом. Или у него в кровати. Чтобы он не сомневался в смысле моего к нему послания. Не люблю, когда меня неправильно понимают. Но Дендонкер послал их не по мою душу. И если мы серьезно помышляем о том, чтобы его изловить, надо применить более тонкий подход. Правильнее было бы припрятать эти тела подальше. Сложить наши карты и плотно прижать их к груди. Но сейчас вокруг нас пустыня. Солнце в небе стоит высоко. Когда я утром проснулся,

---

⁹ Уловка-22 – ситуация, возникающая в результате логического парадокса между взаимоисключающими правилами и процедурами. Так назван роман американского писателя Джозефа Хеллера, опубликованный в 1961 году, – в книге обыгрываются подобные ситуации.

копать могилы в планы мои не входило, но мне казалось, что человек я достаточно гибкий, хотя бы на один день.

– У них должны быть мобильники, – предположил я. – Наберем девять-один-один. Пусть с ними полиция разбирается.

– По-моему, это глупо, – покачала она головой. – Ведь дураку понятно, что этих типов... в общем, что они умерли не по естественным причинам.

– Все будет хорошо.

– Но они же пришлют сюда целую кучу следователей. Бригаду криминалистов. В общем, все по полной программе. – Она помолчала секунду. – Послушай, если мне надо ответить за то, что я сделала, я готова. Приму все, что заслужила. Но всему свое время. Я не хочу мотать срок в тюрьме, когда Дендонкер разгуливает здесь на свободе. Не хочу, чтобы началось шумное расследование, которое обязательно пойдет по нашему следу и помешает его отловить.

Но у меня была совсем другая идея. Я-то как раз и надеялся на то, что полиция пришлет сюда бригаду шустрых ребят. И как можно больше. Я хотел, чтобы они как следует потоптались по всей округе. Попробуй поймать человека, когда за тобой следят служители закона. И я рассчитывал на то, что Фентон это поймет. Хотя бы и не сейчас.

– Это входит в наш план, – сказал я, изображая на лице ободряющую улыбочку. – Ты же сама сказала, что Дендонкер параноик. Увидев, что полицейские здесь что-то вынюхивают, он испугается. И станет делать ошибки. А мы этим воспользуемся.

– Пожалуй, – кивнула она.

Кажется, мои слова не очень ее убедили.

Я подошел к типу, которого она пристрелила вторым, и проверил его карманы. Нашел связку ключей, там была и квадратная ключ-карта. Один ключ автомобильный. Фордовский. Еще два, по всей видимости, от дома. Один от автоматического дверного замка. Новенький и блестящий. Другой от врезного. Старый, весь исцарапанный. Мне пришло в голову, что он, возможно, вообще от какого-то отдельного строения. Предположительно, от гаража. Или какого-нибудь склада. Потом телефон. И бумажник. Удостоверения личности в нем не оказалось. Кредитных карт тоже. Зато было две сотни долларов двадцатками, которые я забрал себе. Боевой трофей. Вполне заслуженный.

В карманах другого было примерно то же самое. Связка ключей с такой же пластиковой ключ-картой. Один автомобильный, от «доджа». Два от автоматического замка. И один от врезного, такой же старый и исцарапанный. В бумажнике двести двадцать долларов двадцатками. И мобильник с треснутым корпусом. Я прижал палец хозяина к центральной кнопке и держал, пока не загорелся экран.

– Где мы сейчас находимся? – спросил я у Фентон.

Она пожала плечами:

– В городе это место зовут просто «Дерево». Погоди-ка секундочку. Сейчас посмотрю.

Она достала свой мобильник, ткнула в него пальцем и принялась листать экран, потом подняла так, чтобы я мог его видеть.

– Вот, пожалуйста. Координаты на карте.

Я связался с оператором службы экстренной помощи, дал ему координаты и сообщил, что видел двух человек, застреливших друг друга во время ссоры. Потом стер с мобильного отпечатки пальцев и зашвырнул его подальше.

– У тебя джип на ходу? – спросил я Фентон.

– Да. К дереву я и не притронулась. Сам посмотри.

Я обошел машину кругом, посмотрел. Действительно, промежуток был, между буфером и стволом можно было просунуть папиросную бумагу, но не больше. Ни фиги себе, классная она, выходит, водила.

– Отлично, – сказал я. – Поедем на твоём. А этот оставим здесь.

– Почему? Лишняя тачка не помешает.

– Тоже верно, – кивнул я.

Да, этот грязный джип точно мог пригодиться. Криминалистам, которые с удовольствием вцепятся в этот жирный кусок зубами. Но только не в качестве средства передвижения.

– Но слишком большой риск, – продолжил я. – Дендонкер взбесится, когда не услышит вестей от своих парней. Пошлет на поиски своих людей. И если увидят, как мы с тобой катаемся на их джипе, нам не поздоровится.

– Ну да, представляю.

Я вернул на место оба пистолета плюс бейсбольную кепку и солнечные очки.

– Вряд ли полиция нагрянет сюда в ближайшее время. Но все равно нам надо поскорее отсюда уматывать.

– Куда?

– Куда-нибудь в тихое местечко. Нам еще надо кое-что обсудить.

– Ладно.

Фентон прошла к водительскому сиденью, поставила ветровое стекло в вертикальное положение.

– Едем в мою гостиницу, – сказала она.

Двигатель заворчал, она дала задний ход, одну ногу поставив на тормоз, другую на сцепление. Обе руки лежали на рулевом колесе. Пальцы крепко сжимали баранку. Даже костяшки побелели. И вены набухли. Она закрыла глаза. Грудная клетка ходила ходуном, будто ей было трудно дышать. Потом она взяла себя в руки. Медленно. Ослабила хватку на руле. Открыла глаза, и из них выкатились две слезинки.

– Извини... – Она вытерла щеки, переместила правую ногу на педаль газа и выжала сцепление. – Я вспомнила Майкла. Никак не могу поверить, что его больше нет.

Глава 7

Фентон гнала машину на полном газу. Изношенная подвеска нещадно скрипела и повизгивала. Двигатель тарахтел как бешеный. Коробка передач выла. Из выхлопной трубы извергались темные клубы дыма. Фентон то и дело вертела баранкой туда-сюда, но при этом умудрялась все время ехать прямо. Я старался не отрывать от дороги глаз, но минут через десять она поймала-таки мой быстрый взгляд на ее ногу.

– СВУ, – сказала она. – Растяжка. В Афганистане.

Ага, понял. Самодельное взрывное устройство. Этот термин мне очень не нравился. Он появился во время Второй войны в Персидском заливе, и все стали его широко употреблять. Небось придумал его какой-нибудь правительственный чинуша по связям с общественностью, вообразив, что оружие повстанцев от этого станет казаться этакой самопальной штуковиной. Кустарщиной, в общем. Типа примитив, не стоит и внимания обращать. К ним и стали все относиться как к кустарщине, по-быстрому и тяп-ляп сварганенной малограмотными дехканами в подвалах и пещерах. А на самом деле все было наоборот. Я-то знал это не понаслышке. Много лет назад я оказался в одном из районов Бейрута, когда туда ворвался, сломав ворота, самосвал, груженный двенадцатью тысячами фунтов взрывчатки. В тот день погиб двести сорок один моряк и один морской пехотинец. А в результате еще одной подобной атаки погибло пятьдесят восемь французских воздушных десантников. И чем дальше, тем все становилось хуже. Изготовители бомб получили доступ к сложной электронике. Дистанционным взрывателям. Инфракрасным пусковым устройствам. Бесконтактным датчикам. Они стали искусными специалистами в области ориентации. Маскировки. Стали еще более злобными. Жестокими. Вместе с гвоздями и кусочками металла, рвущими человеческое тело на части, они теперь регулярно загружают в свои взрывные устройства бактериальные возбудители болезней и вещества, противодействующие свертыванию крови. И после взрыва, даже если кто и остался в живых, он, скорее всего, умрет от потери крови или какой-нибудь страшной болезни.

Я отбросил эти невеселые мысли в сторону.

– Служила в армии?

– В шестьдесят шестой группе военной разведки, – кивнула она. – В Германии, под Висбаденом. Но это случилось потом, когда я уже не носила военную форму. Так что награды «Пурпурное сердце»¹⁰ мне не досталось.

– Пошла в частную военную компанию?

– Только не я, – покачала она головой. – Эти парни меня раздражают. Назови меня чокнутой, но я не считаю, что воевать надо ради наживы.

– А ради чего тогда? Не так уж много гражданских едут в Афганистан.

– А вот я отправилась. Но это длинная история. Потом как-нибудь расскажу. Лучше ты расскажи о себе. Как здесь оказался бывший военный полицейский? Да еще пешком притопал. Как очутился именно в этом городишке, именно на этой дороге?

– Это тоже долгая история.

– Надо же. Тогда я тебя прямо спрошу. Ты что, в бегах? Скрываешься от правосудия? Или просто бродяга?

Ответил я не сразу. Вспомнил последний город, где побывал. Техас. И который покинул накануне утром. Причем спешно. Там со мной случилась одна маленькая неприятность. Закончившаяся пожаром. Разрушением здания. И тремя трупами. Но без большого для меня риска и нежелательных последствий. Словом, ничего такого, о чем ей надо было бы знать.

---

¹⁰ «Пурпурное сердце» – военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника или террористических акций.

– Нет, я не в бегах, – просто ответил я.

– Ты только ничего не подумай такого... если бы это было так, я бы тебя не осуждала. Тем более после того, что я на твоих глазах выделывала сегодня. Но вот повязать Дендонкера для меня очень важно. Это все, что у меня сейчас осталось. И если мы собираемся это сделать, это будет опасно. Значит, мы должны доверять друг другу. Поэтому я должна знать. Почему ты здесь оказался?

– Да особой причины не было. Я пробираюсь на запад. Сюда меня подбросил один человек. Но ему надо было ехать обратно, на восток, вот я и вышел.

– Вышел? Или тебя попросили выйти?

– Вышел.

– И ты так торопился, что оставил у него все свои вещи? Да брось ты. Говори, что случилось на самом деле.

– У меня нет вещей. И вообще, я мог бы и дальше ехать с этим человеком. Он даже сам просил меня об этом. Но я не люблю возвращаться. Мне нравится двигаться только вперед. Вот я и вышел.

– Ладно. Давай по порядку. Нет вещей, говоришь? Ты это серьезно?

– А зачем мне они? Сумки, портфели. Что мне в них класть?

– погоди, рискну сделать предложение... навскидку... ну не знаю... ты идешь по проселочной дороге неизвестно куда... тебе нужна, скажем, одежда? Белье? Туалетные принадлежности? Личные вещи?

– Все свое ношу на себе. Туалетные принадлежности есть в любой гостинице. Личные вещи у меня в карманах.

– У тебя что, только один комплект одежды?

– А сколько надо?

– Ну, не знаю... Хотя еще какую-нибудь сменную. Что ты делаешь, когда она станет грязной?

– Выбрасываю и покупаю новую.

– Это же неэкономно. И непрактично.

– Отнюдь.

– Но почему не пойти и постирать?

– Не люблю стирать. Не люблю прачечных.

– Так ты, выходит, у нас бомж.

– Называй как хочешь. Мне не нужен дом, от него мне никакой пользы. В данный момент. Может, когда-нибудь он у меня появится. Может, и собаку заведу. Семейю. Но не сейчас. И не скоро.

– Так чем же ты тогда занимаешься? Просто скитаешься по стране?

– В общем, да.

– И как? У тебя есть машина?

– Никогда не испытывал в ней нужды.

– Предпочитаешь попутки?

– Да мне все равно. Иногда и на автобусе.

– Ты едешь на автобусе? Seriously?

Я не стал отвечать.

– Ну ладно. Вернемся к тому человеку, который подвозил тебя утром. С чего это он вдруг развернулся на сто восемьдесят градусов?

– Захотел купить какой-то старый британский спортивный автомобиль. Он ездил в Техас покупать другую машину. Но передумал. Продавец хотел ему втюхать какую-то лажу. Он говорил что-то, кажется, про номера, которые якобы не подходят. Не знаю, почему это так важно. Да я в машинах не очень... В общем, он поехал обратно, в сторону дома. Куда-то в Западную

Аризону. Захотелось выпустить пар. Выговориться. И нужен был слушатель. Вот и подобрал меня. Возле мотеля недалеко от Эль-Пасо.

– Минутку. Мы сейчас далеко от маршрута на запад через Эль-Пасо.

– По радио сказали, что на шоссе I-10 какой-то затор. Авария со множеством автомобилей. Вот он и поехал в объезд по небольшим дорогам. Срезал через юго-западный угол Нью-Мексико. Все время ехал вдоль границы штата Аризона. Потом у него зазвонил телефон. Звонила жена. Нашла, где купить другую подержанную машину. На этот раз в Оклахоме.

– Но ты хотел все время ехать на запад. Зачем? Что там хотел найти?

– Тихий океан.

– Не врубаюсь.

– Можешь назвать это блажью. Я был в Нэшвилле, штат Теннесси. Там есть одна группа, мне нравится их музыка. Я послушал их в парочке клубов, а потом, когда уже выходил из города, мимо пролетела какая-то странная птица. Сначала я подумал: пеликан. Но ошибся, хотя при этом на ум пришел остров Алькатрас¹¹. А отсюда вот тебе и океан.

– И ты подумал, что эта дорога приведет тебя к океану?

– Нет. Мне надоело ждать, когда еще кто-нибудь подбросит. И пошел пешком. И увидел гигантское каменное сооружение возле дороги, а на нем стрелка, которая указывала в эту сторону. Какой-то обелиск. Или монумент. Он был покрыт резьбой и затейливыми узорами. И мне стало любопытно. Я подумал, мол, если тут такой изысканный указатель, какой же тогда будет город?

– Сейчас сам все увидишь, – сказала она. – Мы уже почти приехали.

---

¹¹ *Остров Алькатрас* – дословно «остров пеликанов»; находится в заливе Сан-Франциско.

Глава 8

От покинутого нами пункта «Дерево» дорога медленно шла в гору. Как раз в эту минуту мы въехали на вершину подъема, и перед нашим взором предстал город. Он раскинулся внизу и находился где-то в полумиле от нас. Виднелись группы строений со светлыми оштукатуренными стенами и терракотовыми крышами. Разобраться в планировке было довольно сложно. Похоже, город состоял из двух неправильных овалов. Они частично перекрывали друг друга, как круги диаграммы Венна¹², выполненные дрожащей рукой ребенка. Дома в левом сегменте были явно пониже. По большей части одноэтажные. Стены у них выглядели погуще. И разбросаны по территории они были более хаотично. В другой же части города здания были повыше. Расположены более упорядоченно. И распределены по площади более равномерно. А в центре здания были еще выше. Отчетливо были видны арки, лепнина, внутренние дворики. Возможно, здесь располагался район с муниципальными учреждениями. А также барами, ресторанами и прочими заведениями такого рода. Если, конечно, они вообще существуют в этом городе.

В дальней части города из земли торчали вверх высокие металлические столбы; это ограждение тянулось с востока на запад, насколько хватало глаз. Оно казалось незыблемым. Вечным. И очень неприветливым. Концы столбов были заострены, стояли они друг от друга довольно близко. Я догадался, что за этой оградой начинается территория Мексики. Внешне она ничем не отличалась от земли по эту сторону, принадлежащей США. Уклон снова пошел в гору и продолжался несколько сотен ярдов. Территория здесь, как и всякая ничейная земля, была не застроена. Потом на самом вершине подъема снова пошли дома. Я увидел еще один ряд протянувшихся далеко вперед светлых оштукатуренных стен и терракотовых крыш.

– Ну, что скажешь? – спросила Фентон.

– Кажется, чего-то мне здесь не хватает.

Дендонкер совсем недавно приказал убить Фентон. В штате сотрудников у него есть еще не менее трех человек. Фентон рассказывала о нем как о втором Аль-Капоне, только с какой-то безумной придурью. Значит, логово его должно иметь достаточно высокий уровень преступности. Крышевание бизнеса. Наркотики. Проституция. То есть обычный набор. Но городишко уж слишком похож на сонный и тихий омут. Этаким санаторий, где легко избавляются от бессонницы. Я бы очень удивился, узнав, что у них в магазинах существует мелкое воровство.

– А где родился Дендонкер, здесь? – спросил я.

Фентон ничего не ответила. Видно, думала о чем-то своем.

– Дендонкер родился в этом городе? – повторил я вопрос.

– Что? – отозвалась она. – Нет. Он родился во Франции.

– Значит, из всей территории Соединенных Штатов, а может, и всей Земли он выбрал для постоянного жительства именно это богом забытое место. Интересно почему? И что еще ты о нем знаешь?

– Не так много, как хотелось бы.

Фентон какое-то время молчала, вперившись взглядом в дорогу, потом как бы снова вспомнила мой вопрос.

– Ну хорошо, – заговорила она. – Его полное имя Ваад Ахмед Дендонкер. Отец его немец. Мать – ливанка. До восемнадцати лет он жил в Париже, закончил там среднюю школу, потом его приняли в Пенсильванский университет. Судя по слухам, мальчик он был талантливый. Закончил бакалавриат, стал писать диссертацию, чтобы получить степень в области инжини-

---

¹² *Диаграмма Венна* – геометрическая схема, на которой с помощью перекрывающихся кругов можно продемонстрировать сходство, различия и связи между понятиями, идеями, категориями или группами.

ринга, но через полтора года бросил. Снова вернулся во Францию, пару лет болтался по всей Европе, Ближнему и Среднему Востоку, а потом я потеряла его след. И до две тысячи третьего года не могла найти о нем никаких сведений, как вдруг он снова вынырнул в Ираке. Пристроился к военным организациям толмачом, решалой, посредником. Потом в две тысячи седьмом году, чтобы спасти всех этих ребят от возмездия, правительство запустило программу отправки многих из них в Штаты. Дендонкер подал заявление в мае две тысячи восьмого. Проверка данных производилась довольно тщательно, процесс затянулся, и визу он получил только в апреле две тысячи десятого. Правительство определило его в штат Джорджия, в городок под названием Гуз-Нек, и пристроило на фабрику по переработке кур. Он особенно не высовывался, не лез куда не надо. Его табель выхода на работу был идеален. Довольно много путешествовал, но только в Континентальных штатах, много времени проводил в библиотеке. Прошел год, он уволился и переехал сюда.

Проехав первые два здания, Фентон повернула налево, вырулила на окраину городка и продолжила путь по лабиринту извилистых улочек.

– Нежелание всю оставшуюся жизнь резать головы бедным курочкам понять еще можно, – сказал я. – Но непонятно вот что: почему он выбрал именно это место?

– На этот счет у меня есть кое-какие соображения, – отозвалась Фентон.

Она проехала через арку во двор, превращенный в автомобильную стоянку.

– Сразу после прибытия сюда Дендонкер открыл свое дело, – продолжила она. – Втихаря. Владеет им через полдюжины подставных компаний. А это подразумевает строжайшее соблюдение секретности. Отсюда следует, что он очень не хочет, чтобы его операции привлекали к себе внимание. Этот город – идеальное место для таких штук. Существует как бы сам по себе, спрятался где-то у черта на куличках, дорога сюда есть, а дальше нет – тупик. Жителей с каждым годом становится все меньше. Местные поговаривают, скоро он вообще станет городом-призраком. Вдобавок на многие мили нет ни одного пункта пересечения границы. Вообще, ни официальных, ни неофициальных. Стоит вдоль границы забор, и больше ничего. Лет десять уже нет никаких сообщений о том, что где-то в нем появилась хоть одна дыра. Поэтому власти махнули на все рукой, их тут ничто не интересует. Повода нет, и слава богу.

– А что за бизнес он здесь открыл?

– Общественное питание. Компания называется «Голубая мечта».

Фентон сдала вправо и проехала до конца стоянки. Поставила машину на последнее место. Между матово-белым фургончиком и глухой стенкой, причем как можно дальше, чтобы ее джип был не очень заметен.

– Ну и зачем ему понадобилось избегать внимания к своей особе? Старается не мозолить глаза санитарному инспектору?

– Дело не в том, что он там у себя стряпает. И как. Главное – для кого. Компания у него специализированная. В ней готовят еду для пассажиров авиалиний, но не рядовых. Только для частных самолетов. У Дендонкера контракты с полдюжиной владельцев. Еду фасуют его люди. Раскладывают в специальные металлические контейнеры, иногда по тележкам, в зависимости от количества. Доставляют в аэропорт. Загружают в самолет. А пустые контейнеры потом забирают. Иногда он предоставляет в полет бортпроводников и стюардесс.

А что, занятие вполне невинное. Люди, летающие на частных самолетах, тоже хотят есть и пить, как и те, кто летает экономклассом в «боингах». А Дендонкер скрывает свой бизнес, потому что у него, скажем, есть куча бывших жен, которые могут претендовать на его деньги. Или скромничает и не хочет платить налоги. Или же за этим его занятием стоит нечто совсем другое. Аэропорты, с которых взлетает большинство частных самолетов, совсем не похожи, скажем, на аэропорт имени Джона Кеннеди или на главный аэропорт Лос-Анджелеса. Проблемы, связанные с охраной и безопасностью, там минимальны. Как для пассажиров, так и для службы сопровождения и сервиса. Понятно, какие дополнительные возможности предо-

ставляет такой бизнес человеку типа Дендонкера. И почему он хочет, чтобы его деятельность обращала на себя как можно меньше внимания.

– Он может перевозить наркотики. – Фентон заглушила двигатель. – Драгоценности. Оружие. Да все, что угодно.

– Доказательства есть? – спросил я.

– Пока одни только подозрения. Но небеспочвенные. Возьмем хотя бы мой первый день в команде Дендонкера. Меня послали подменить одну сотрудницу. В качестве стюардессы. Замену сделали в самую последнюю минуту. Она неожиданно заболела. Или просто знала, что ей предстоит. В целом все было очень паршиво. Нас было двое, и четверо пассажиров. Богатенькие придурки. Всю дорогу пытались нас лапать. Делали гнусные предложения насчет дополнительных услуг. Один просто тащился от моей ноги. То и дело старался ее пощупать. Мне очень хотелось заманить его в туалет и прибить там этой ногой до смерти. Даже еда не могла его отвлечь. Или выпивка. Вел себя просто похабно. А еда дорогушая, даже представить трудно. Икра – «Коликоф альбино». Ветчина – хамон иберико. Сыр – пуле. Шампанское – «Боёрл и Крофф». Бренди – «Леконт секрет». Запасов там было не меньше тонны. Дюжина контейнеров. Причем крупных. И вот что интересно. Использовали мы только десяток. А к двум даже не притронулись.

– Может, просто перестраховались, заказали лишнее. Или Дендонкер таким образом завывшал счет.

– Нет. Пока напарница была в туалете, я хотела заглянуть в эти лишние контейнеры, но они были опломбированы. Такими маленькими пломбочками. Свинцовыми, в виде шариков на коротеньких тоненьких проволочках. И припрятаны были под щеколдами. Я сама их едва разглядела. Тогда я проверила контейнеры, которые мы вскрыли. На них не было ни одной сорванной пломбы.

– А что было потом с запечатанными?

– Когда приземлились, их куда-то унесли. А на их место поставили другие два. Такого же размера. Такого же вида. И с такими же пломбами.

– А что бы случилось, если бы ты по ошибке вскрыла один из них?

– У меня мелькнула мысль попробовать, но обратно самолет летел пустой, без пассажиров. То есть нужды открывать контейнеры не было. Но я размышляла про то, как мы летели туда, и кое-что поняла. Контейнеры, которые надо вскрывать, всегда выбирала напарница. Тогда мне это казалось естественным. Я была новенькая, а у нее уже был опыт таких перелетов, она знала, где что лежит. Но вот потом, уже задним числом, мне показалось, что она старалась делать все так, чтобы я держалась подальше от запломбированных контейнеров. И во время других полетов с моим участием все происходило в принципе точно так же. Пассажиры другие. Маршруты другие. Но всегда там были контейнеры, которые мы не трогали.

Фентон выбралась из машины. Направилась к двери, расположенной посередине длинной стены, одной из четырех, окружающих двор. Я пошел за ней. Заметил, что изначально здесь было несколько отдельных зданий. Но потом, видно, их соединили вместе. Одни выступали вперед. А другие, наоборот, отступали в глубину. Но по высоте все были одинаковые. Теперь их соединяла одна сплошная и единообразная крыша. Должно быть, это покрытие было сделано позже.

Высоко на стене каждой первоначальной секции этого, теперь единого, здания висела табличка. Я понял, что на табличках указано, кто проживал и чем занимался прежний жилец. Здесь было множество разных имен, как и названий рода занятий или сферы деятельности жильцов. Кузнец. Бондарь. Скобяная лавка. Здесь продаются продукты. Оптовый магазин. Одна из четырех сторон полностью отведена под таверну. Вероятно, все эти заведения изначально были каждое само по себе, но теперь все вывески были одинаковы. Одного цвета. Написаны одинаковым шрифтом. Двери и окна разных размеров и конфигурации, но сделаны в

одном стиле. Из одних и тех же материалов. И по всей видимости, в одно и то же время. А возле каждой в стене проделан застекленный прямоугольник размером с панель обычного домофона, только без кнопок.

– Что это за место? – спросил я.

– Гостиница. Я здесь сейчас живу. Ну а теперь, думаю, и ты тоже.

Я огляделся по сторонам:

– А где же администрация?

– А тут нет администрации. И обслуживающего персонала тоже нет. Таких гостиниц существует уже целая сеть. В пяти городах. Теперь, может, уже и в шести. Не помню.

– И как же здесь снять номер?

– Заказываешь через Интернет. Никто тебя не видит. Ни с кем ты не общаешься. В этом-то и вся прелесть.

– А ключ где берешь? Высылают по почте?

– Ключа в физическом понимании нет, – покачала головой Фентон. – По имейлу высылают матричный код, вот и все.

Я промолчал.

– Матричный код, понимаешь? Это как штрихкод, только двумерный, – растолковала мне она. – Размещаешь у себя на телефоне, а сканер на двери его считывает. Просто здорово.

– Правда?

– Ну да. Особенно если вдруг понадобилось снять номер по фальшивому паспорту. И фальшивой кредитной карте. И с вымышленным электронным адресом. Тебя тогда ни одна собака не отследит.

– Со мной такое не пройдет. У меня нет фальшивого паспорта. Кредитных карт вообще нет. Мобильника тоже.

– Вон оно что... – сказала она и пожала плечами. – Ладно, не переживай. Что-нибудь придумаем.

– И тут есть камеры.

Я показал ей на две, которые успел заметить. Они были закреплены на стене неподалеку от площадки, где стоял джип. Каждая защищена сеткой.

– По ним тебя вполне можно отследить.

– Пусть попробуют. Эти камеры только на первый взгляд работают. Но если кто и доберется до их файлов, он ничего не увидит. Одни только крапинки, будто снег идет. В этом прелесть обучения в форте Уачука¹³. Я еще и не такое могу.

---

¹³ Форт Уачука – военный объект армии США; расположен на юго-востоке штата Аризона.

Глава 9

Фентон покопалась в своем мобильнике, потом поднесла экран к сканеру под табличкой «Карлайл Смит, колесный мастер». В двери что-то щелкнуло, и она отворилась. Я прошел за ней внутрь. Невозможно было представить, что некогда здесь кто-то занимался тяжелым физическим трудом. Комната была окрашена в мягкие, пастельные тона, всюду диванные подушки, по стенам развешаны ностальгические черно-белые фотографии. Ну и стандартный гостиничный набор мебели. Кровать. Диван. Место для работы. Шкаф. А также туалетная комната с душем. Словом, все, чтобы можно было с удобством скоротать вечерок, кроме разве что кофеварки. Никаких ее признаков. Зато здесь был аккуратно поставленный возле двери чемодан. Фентон проследила за моим взглядом.

– Старая привычка, – сказала она и подкатила чемодан к кровати. – Чтобы всегда быть готовой к переезду. Я думала, что очередной переезд у меня будет сегодня. Надеялась, что с Майклом. Хотя, на самом деле, догадывалась. Не было никаких шансов. Уезжать мне теперь одной. Просто хотелось в этом убедиться. Для меня это не было сюрпризом. Но все равно там, возле «Дерева», меня как обухом по голове хватило. Сама такого удара не ожидала. Несколько секунд я была на грани. Прости, что тебе пришлось такое увидеть. Больше не повторится. А теперь давай забудем об этом. Располагайся. Будь как дома.

Я мысленно прикинул время. Где-то одна минута четвертого. Я успел проголодаться. Завтракал очень давно. Встал рано, еще в Эль-Пасо. Ела ли что-нибудь в тот день Фентон, я не знал. Но денек у нее выдался горячий, адреналина сторело много. И подкрепиться не помешает обоим. Я предложил что-нибудь заказать. Фентон не спорила. Сразу достала мобильник.

– Пицца тебя устроит? – спросила она.

Выдвинула из-под письменного стола стул и потыкала в телефон пальцем. Я сел на диван. Подождал, когда она закончит с заклинаниями по поводу пиццы.

– Ну что, как я здесь оказался, тебе уже известно. Теперь твоя очередь рассказывать.

Фентон помолчала, словно собиралась с мыслями.

– Думаю, все началось с сообщения, которое я получила от Майкла, – начала она. – Мы с ним, как большинство близняшек, всегда были близки, но в последнее время как-то потеряли друг с другом связь. Он сильно изменился. Особенно после армии. Думаю, это нужно объяснить. Он служил в ТСП. В подразделении технического сопровождения перевозок. В нем состоят специалисты по разминированию, а также применению химического оружия.

– Слышал про таких. Если подразделение очищает территорию и обнаруживает химические снаряды, они вызывают ТСП.

– Должны вызывать. Но так происходит не всегда. Пехотинцы не всегда знают, как выглядит химический артиллерийский снаряд. А в Ираке, не забудь, у противника таких снарядов нет. Официально. То есть они не маркированы, как тому следует быть. Или намеренно маркированы неправильно. Тем более что внешне они ничем не отличаются от обычных снарядов. В частности, сигнальных, потому что там тоже имеется отдельная полость для сигнального вещества – прекурсора¹⁴. И даже если парни знают, что в снаряде какая-то химия, они иногда пробуют обезвредить его сами. Просто не хотят ждать. При всем желании помощь ТСП придет не скоро. Часов через двенадцать, а то и через сутки. Это значит, что у врага есть до двадцати четырех часов для размещения снайперов и установки растяжек и мин-ловушек. А для нас это значит – еще двадцать четыре часа задержки в зачистке других территорий. За это время повстанцы могут сменить укрытия, выбрать позиции, откуда удобно атаковать, да и гражданское население подвергается опасности: кто угодно может наткнуться на растяжку,

---

¹⁴ Прекурсор – вещество, участвующее в реакции, приводящей к образованию целевого вещества.

подорваться, получить ранение или даже погибнуть. Так что отряд Майкла частенько являлся на место, когда оно уже подверглось заражению. Так, например, было во время самого первого их выдвижения. Это было помещение с кирпичными стенами, располагалось под землей. Несколько пехотинцев буквально провалились в него. Сквозь потолок. В темноте стали ошупывать место, куда попали. А когда поняли, перепугались до смерти. Оказалось, что там хранятся снаряды. Очень давно и в очень плохом состоянии. И наверное, кто-то, сам того не зная, повредил какой-то из снарядов. А в нем содержался горчичный газ. Один из друзей Майкла подвергся его воздействию. Это было ужасно.

– Его удалось спасти?

– Чудом. Эвакуировали на вертолете. В госпитале, пока не проявились худшие симптомы, парня погрузили в искусственную кому. Это спасло его от страшных страданий. И вероятно, спасло ему жизнь.

– Майклу тоже досталось?

– На этот раз нет. Но потом он тоже попал в переделку. Понимаешь, когда люди из ТСП находят химические снаряды, они должны их утилизировать. Если на территории, где их нашли, живут люди, эти ребята должны увезти снаряды куда-нибудь подальше и только потом взорвать. А если заметят что-то необычное, снаряд полагается вскрыть и исследовать. Вот с Майклом такое и случилось. Он перевозил пару снарядов, которые эти умники решили отправить на Абердинский испытательный полигон. Они лежали у него в задней части «хаммера», когда он направлялся на стоянку «черных ястребов»¹⁵. И вот один снаряд дал утечку. Майклу стало плохо. Ему удалось вернуться на базу, но врачи не поверили, что он действительно отравился. Ожогов не было. Волдырей тоже. Руки-ноги на месте. Его обозвали симулянтom и стали лечить, как наркомана: зрачки, видите ли, были подозрительно суженные. Словом, вину взвалили не на бардак в армии, а на него. У Майкла начались судороги. Боль в грудной клетке. Его непрерывно рвало. Вышел из строя желудочно-кишечный тракт. В конце концов его послали в Германию. В тамошний госпиталь. Несколько недель в нем провалялся.

– Жесть!

– Вот именно. Словом, лечили его спустя рукава. И в результате кто стал козлом отпущения? Майкл. Да его друг, отравившийся горчичным газом, ну и еще куча других пострадавших – наша доблестная армия от них попросту отказалась. Ни один из них не был даже награжден. А знаешь почему? Во время активного применения яд не давал утечки, значит их раны в счет не идут, потому что получены не в результате действий противника. Выходит, вооруженные силы страны как бы говорят им: сами виноваты в том, что с вами случилось. И знаешь что? В воен-но-морских силах, в точно таких же обстоятельствах, их парни получают награды. А тут такая несправедливость. Майкл был просто раздавлен морально. Дождался конца контракта и свалил из армии. Несколько лет ничего не делал и, мне кажется, сорвался с катушек. Я постоянно пыталась с ним связаться, поговорить. А потом у меня самой начались проблемы. – Она похлопала по ноге. – Да и работы стало невпроворот.

– А что у тебя за профессия?

– Лаборант-технолог. Работала в одном местечке неподалеку от Хантсвилла, штат Алабама.

– В связи с этой работой тебя послали в Афганистан?

– Ну да, – кивнула она. – Я должна была контролировать сбор проб. Потом привозить сюда и делать анализы. Мой босс знал, что раньше я служила в армии. И был уверен, что со мной ничего страшного не случится. Какое-то время после этого случая работать я не могла. Операции. Физиотерапия, восстановление. А потом еще и депрессия. Зациклилась на себе.

---

¹⁵ «Черный ястреб» (англ. Black Hawk) – американский многоцелевой вертолет на вооружении армии США.

Никого не хотела видеть. Но вот пришло сообщение от Майкла, и это меня встряхнуло. Там было кое-что такое, от чего никак нельзя было отмахнуться.

– Что там было написано?

– «М – помоги! М». Написано от руки на обратной стороне меню одного заведения, «Пегая лошадь» называется. Кафе в этом городе.

– И ты бросила все и примчалась сюда?

– Да, бросила все. Но примчалась не сразу. Старые привычки не умирают. Сначала я провела небольшое расследование. Связалась с его друзьями. И кое с кем из своих знакомых. Пыталась разузнать, во что он вляпался. Где находится. Все дружно отвечали, что не знают. Некоторые обещали поспрашивать. Потом один его однополчанин из шестьдесят шестого рассказал мне про парня, типа агента. Любой бывший военный, который ищет работу и не очень щепетилен насчет законности, может забить с ним стрелку и поговорить. Я связалась с этим агентом. Надавила на него. Он раскололся, сказал, что познакомил Майкла с Дендонкером. Через посредников. Я еще поднажала, и тот признался, что за несколько лет пристроил к Дендонкеру несколько человек. Иногда Дендонкеру требуется бывший военный. Или человек с какой-нибудь необычной квалификацией. Потом он вспомнил о том, что пристроил к нему бывшего снайпера, знатока винтовок пятидесятого калибра. А Майкла он взял, потому что тот разбирался в минах и фугасах.

– Похоже на то, что Дендонкер занимается контрабандой оружия.

– Я тоже так сначала подумала. В общем, приехала. Сунулась туда, сюда. Стала разнюхивать. Никаких следов Майкла, никаких контрабандистов или других преступных банд не нашла. Впала в отчаяние. Снова связалась с тем деятелем, попросила свести меня с Дендонкером. Ждала, что он станет кочевряжиться, но он оказался суперпокладистым. Сказал, что я даже делаю ему одолжение. Что он как раз набирает людей. Всяких, без особой специализации. Причем женщин. Я встревожилась: что бы это значило? Но на кону была жизнь брата. И я сказала, мол, идет. Я согласна.

– И тебе дали работу, вот так запросто?

– Нет. В моей биографии не было ничего такого, с законом я всегда была в ладах, но я захотела немного ее приукрасить и изготовила несколько фальшивых рекомендаций. Потом мне устроили «собеседование». С каким-то шестеркой Дендонкера. Здоровенным таким, на вид жутким амбалом. Он повез меня в какое-то пустынное место, и я должна была показывать ему, что умею стрелять, разбирать и собирать пистолет и водить машину.

– Неужели Дендонкер не догадался, что вы с Майклом брат и сестра? У вас же практически одинаковые имена.

– Нет. Фамилии у нас разные. У него фамилия Кёртис. Я тоже была когда-то Кёртис. Но вышла замуж и взяла фамилию мужа. И сохранила ее, когда его убили. В Ираке.

– Мне очень жаль.

– Не извиняйся. Ты же тут ни при чем.

Фентон отвернулась. Я дождался, когда она повернется ко мне снова.

– Значит, Майкл был нужен Дендонкеру потому, что разбирался в минах?

– Так мне сказал тот деятель.

– И как это связано с общественным питанием?

– Не знаю. Я считаю, наиболее вероятное предположение, что Дендонкер – это типа поставщик. Тайно провозит и продает все, что ему заказывает клиент. Чтобы хорошо оценить товар, ему время от времени нужны эксперты.

– Но Майкл у него остался?

Фентон кивнула.

– И ты не установила с ним контакт, даже когда уже была в деле? – спросил я.

– Нет. Я пыталась, но мне надо было вести себя тише воды ниже травы. Потом – это было два дня назад – я увидела одну женщину и узнала ее. Ее зовут Рене. Она, как и я, работала в бизнесе общественного питания Дендонкера. Но с другой напарницей. И в другую смену. Она работала у него дольше, чем я. Поэтому лучше меня изучила весь расклад.

– Откуда ты ее знала?

– Я ее не знала. Только видела на фотографиях. Она служила когда-то с Майклом в одном отряде.

– Она присутствовала при загрузке контейнеров?

– Нет, – покачала головой Фентон. – Но была в том кафе, «Пегая лошадь». Откуда Майкл взял меню, чтобы послать мне сообщение. Когда она вышла, я проследила за ней до гостиницы. И там приперла к стене. Она призналась, что Майкл в городе и все еще работает на Дендонкера. Участвует в одном специальном проекте. Она поклялась, что не знает, что это за проект. Слышала только, что Майкл время от времени проводит в пустыне какие-то испытания.

– Мины испытывает?

– Возможно, – пожала плечами Фентон. – Ну вот, и тогда я попросила эту Рене... попросила устроить нам с Майклом встречу. Она отказалась. Сказала, что это очень опасно. Видно было, что она откровенно напугана. Тогда я попросила, чтобы она хотя бы передала Майклу мою записку. На это она согласилась.

– И что ты ему написала?

– Ничего такого особенного. Написала, что я здесь. Попросила со мной связаться. Пообещала сделать все, что ему потребуется. И дала свой адрес электронной почты. Который я создала ради такого случая. Его не знает никто.

– Это было два дня назад?

– Да. Еще она сказала, что, возможно, у нее не получится передать записку сразу. И вот сегодня утром на этот адрес пришло сообщение. Я прочитала и сразу поняла, что Майклу грозит большая опасность. Я опасалась худшего. Но мне надо было знать наверняка.

– Как ты это поняла?

– По обращению. Свою записку я подписала «Мики». Это имя известно всем, кто знает меня с детства. И в письме, где мне назначали встречу возле «Дерева», меня называли Мики.

– И что? Ведь Майкл знал тебя, когда ты была маленькой.

– Ты не понимаешь. В детстве мы с ним часто играли в войну, в разведчиков. Однажды в кино увидели, что герои используют свои настоящие имена, только когда им грозит опасность. И сами стали так делать. Вот и в этом письме меня называли моим настоящим именем. То есть либо Майклу грозит опасность, либо мою записку перехватили, и тот, кто на нее отвечал, не знал этого нашего с ним обычая.

– А что стало с женщиной, которая взяла у тебя записку?

– Рене? Не знаю. Сегодня утром я была в гостинице у нее в номере, пошла туда сразу, как получила письмо. Увидела, что в шкафу не хватает кое-чего из одежды. Все белье тоже куда-то исчезло. И туалетные принадлежности. Думаю, ее что-то спугнуло. После того, как она передала Майклу записку. Думаю, бросилась спасать свою жизнь.

Глава 10

Мобильник Фентон затарахтел, и через секунду раздался стук в дверь.

– Пицца, – прошептала она.

Я отошел к краю кровати, чтобы от двери меня не было видно. Слышал, как Фентон открывает дверь, благодарит курьера. Потом она принесла из туалета полотенце, постелила на кровать вместо скатерти и водрузила туда огромную квадратную коробку.

Ели мы молча. Когда с едой было покончено, я начал:

– Ты говорила, что Дендонкер всегда тщательно осматривает тела. Где? Прямо на месте? Или сначала их куда-то увозят?

– Он всегда это делает в морге. Ему нравится, когда труп обследован, подготовлен и красиво лежит на столе. И все такое прочее, по полной программе.

– Судмедэксперт у него на зарплате?

– Не знаю. Думаю, это вполне возможно.

– Это значит, чтобы повернуть наше дело, нам надо последовательно решить три проблемы. Убедить Дендонкера, что один из нас представляет для него угрозу, – раз. Заставить его поверить, что этот человек убит, – два. И уговорить медэксперта сотрудничать с нами – три. Вопрос очень серьезный.

– У меня тоже мелькали такие мысли, – сказала Фентон, стряхнув с подбородка крошку. – Пока мы с тобой жевали, я как раз об этом думала. Ты прав, вопрос очень серьезный. Но разрешимый. И у меня, кажется, есть идея, как решить одну или даже две названные тобой проблемы, только ты должен согласиться сыграть роль мертвого.

– Интересно как?

– А вот как. Первая проблема: заставить Дендонкера поверить, что ты представляешь для него угрозу. Это легко. Тебе нужно просто сыграть роль некоего Мики. Дендонкер на это уже клюнул. И послал двух мордovorотов схватить его. Они не вернулись, и Дендонкер уже вдвойне убежден, что этот Мики представляет для него большую опасность.

Я промолчал.

– Вторая проблема, – продолжила она. – Заставить Дендонкера поверить, что ты, то есть Мики, мертв. Это сделать трудней, но тоже возможно. Мы назначаем еще одну встречу с Мики, на которой от имени Дендонкера буду действовать я. Потом...

– Как это устроить?

– Фундамент уже заложен. Раз Дендонкер воспользовался моим электронным адресом, значит он наверняка читал мою записку. Но он не знал, что записку отправила я, иначе не было бы необходимости назначать первую встречу. Послал бы своих мордovorотов прямо ко мне, и все. Значит, я пишу еще одну записку. Почерк будет тот же, и это убедит их, что все идет как по маслу.

– И что ты в ней напишешь?

– Что сегодня на встречу никто не пришел, давай, мол, попробуем еще разок.

– Он будет знать, что это неправда. Как минимум он считает, что парни его куда-то пропали. И если в полиции у него есть свои люди, он скоро будет знать, что они мертвы.

– Конечно будет знать. Но все дело не в этом. Ему плевать на то, что этот Мики его обманывает. Ему надо лишь устранить угрозу, которую тот для него представляет, причем как можно быстрее и аккуратнее. И что он сделает? Оставит Мики, человека, который может нагрянуть к нему в любой момент, когда только захочет, даст ему свободно разгуливать лишь потому, что он не говорит правды? Нет, конечно. Он будет хвататься за любую возможность убрать его. Согласится на встречу с тобой и на этот раз постарается тебя надуть.

– Допустим, ты права. Допустим, он согласится. И что тогда? Пошлет еще пару мордоротов? Или даже больше?

– Нет. В записке этот якобы Мики сообщит: ему известно, что он контактирует не с Майклом. Но готов заплатить десять тысяч долларов за информацию о том, где сейчас находится Майкл. И будет иметь дело только со мной.

– А как ты собираешься доставить записку Дендонкеру?

– Передам тому, кого он пошлет. Попрошу о встрече. Скажу, что на меня вышел один человек, подошел ко мне возле кафе «Пегая лошадь». Опишу тебя. Это будет правдоподобно, потому что они предполагают, что первую записку Майклу передала Рене, поскольку она куда-то пропала. И если они клюнут, то предложат еще одну встречу. Пойдем мы вдвоем. И я тебя застрелю. Во всяком случае, доложу об этом Дендонкеру.

Я минутку подумал над тем, что услышал.

– Если они не клюнут, ты сильно рискуешь.

– Это вряд ли. Один из команды Дендонкера, – она принялась разгибать пальцы, – берется доставить записку. Идет? Идет. Почерк в записке. Идет? Идет. Адрес электронной почты, по которому Дендонкер может ответить? Идет. Записка с просьбой о встрече? Тоже идет. Вполне правдоподобно. Разыграю все как по нотам. Не забудь, я уже нечто подобное делала. И не раз.

Я ничего не ответил.

– Ладно, – сказала Фентон. – Согласна. Риск есть. Но я думаю, рискнуть стоит.

– Согласен. Заставить их назначить встречу – это может сработать. Но что будет, если они вместе с тобой пошлют еще кого-нибудь? Или поставят скрытого наблюдателя? Нельзя просто взять и доложить, мол, так и так, стрельнула и убила. Нужно разыграть все как следует. Чтобы выглядело по-настоящему.

– Это сделать довольно легко. Я такое тоже уже делала. Несколько лет назад, в Косово. Я там была на задании. Нам надо было как-то надавить на одного местного бандюгана, вот и заставили его поверить, что он убил человека, которого мы выдали за американского дипломата. Понадобилась только фальшивая кровь в специальном мешочке, взрыватель, микрофон и кусок тесьмы. Все это нам, конечно, предоставили военные, но я знаю, где это можно раздобыть. В Нью-Йорке есть один магазинчик. Могу заказать, и все доставят прямо сюда. Еще понадобятся холостые патроны, но у меня они есть. Прихватила с собой на всякий случай. Я не знала, что заставит меня делать Дендонкер, и подумала, что надо постараться не убивать не тех людей.

А что, подумал я, трюк с холостыми патронами и фальшивой кровью вполне может получиться. Я знал это и по собственному опыту. Но только дело у нас было не в Косово. И обошлись без дипломата.

– Остается судебно-медицинский эксперт. Если он работает на Дендонкера, у нас будет проблема, – покачал я головой. – Надо действовать очень осторожно.

– Да, это правда. Хотя я уверена, его можно убедить, чтобы сказался больным. Если поощрить его как следует, – подмигнула мне Фентон. – Но это, думаю, лучше оставить напоследок. Сначала посмотрим, клюнет ли Дендонкер.

– Надо сделать так, чтобы и рана выглядела вполне убедительно. Дендонкер должен поверить, что она настоящая. Хотя бы на минутку.

– Здесь тоже нет никаких проблем. Когда агент работает под прикрытием, он частенько использует фальшивые раны, чтобы спрятать ключ для наручников или лезвие. Даже когда его схватят и разденут догола, все остается при нем. Работает и при обыске. Такова психология человеческого поведения. Люди инстинктивно избегают трогать раны. Все, что нужно для этого, можно купить в магазине, где продают фальшивую кровь. Я добавлю в заказ еще один пункт.

Фентон убрала пустую коробку из-под пиццы и положила на кровать свой чемодан. Открыла, достала из кармашка на крышке карточку и ручку.

– Того же типа, что я раньше использовала, – сказала она и стала писать. – Возьму на всякий случай побольше.

Через минуту Фентон положила ручку и показала мне карточку. С одной стороны на ней была фотография лошади. Пегой масти, надо полагать. На обратной стороне, рядом с адресом кафе, она написала свое послание. Вроде все нормально, подумал я и кивнул. Она положила открытку, взяла мобильник и набрала текст.

– Я написала, что только что случайно встретила с каким-то сердитым типом, мне незнакомым, который попросил меня отнести записку человеку по имени Майкл. Так что надо скрестить пальцы, чтобы сработало.

Не прошло и минуты, как пришел ответ.

– Отлично, – сказала Фентон. – Это правая рука Дендонкера. Хочет встретиться. Хочет, чтобы я отдала записку ему. Кажется, получилось.

Она встала и достала из чемодана курточку. Чтобы спрятать под ней пистолет.

– Где вы встречаетесь? – спросил я.

– В гостинице «Кордон», – ответила она и повернулась к двери. – Я там тоже остановилась. Гостиница обычного типа. Зарегистрировалась под настоящим именем, но это просто для отвода глаз. Я там не ночую. Не волнуйся. Я скоро вернусь.

Дверь за ней закрылась, и в комнате вдруг стало совсем тихо. Теперь она казалась пустой и нежилой, лишь легкий запах духов напоминал мне, что Фентон была здесь. Я улегся на диван. Мне захотелось послушать музыку. Я люблю прокручивать ее в уме, это всегда помогает скоротать время. И сейчас Джон Праймер¹⁶ будет то, что нужно. Он играл с Мадди Уотерсом¹⁷, до самой его смерти. Потом четырнадцать лет играл с Мэджилом Слимом¹⁸, пока тот не помер. Музыка Джона прекрасна, неповторима. Но как я ни пытался, сейчас она не шла в голову. Все потому, что я беспокоился. За Фентон, конечно. Тревожился, удастся ли ей развесить нашу лапшу на уши шестерке Дендонкера. Или у нее ничего не выйдет, и это для нас будет очень нехорошо. Потому что в таком случае ее просто убьют. И то если повезет.

Выкинь все это из головы, сказал я себе. Фентон как-никак не кто-нибудь, а бывший военный разведчик. Прошла всестороннюю подготовку по всем видам своего искусства. Нисколько не сомневаюсь в том, что она способна убедить кого угодно во всем, что угодно. Правда, последняя мысль встревожила меня еще больше. Ведь я о ней вообще ничего не знаю. Только то, о чем она сама мне поведала. То есть только то, о чем хотела поведать. Я встал и принялся шарить по комнате. Удовольствия от этого я не получал никакого. Хотя она сама пригласила меня сюда, ко мне вернулось застарелое ощущение – я чувствовал себя непрошеным гостем. Я всегда, бывало, испытывал неловкость, когда обыскивал жилище умершего человека. И очень надеялся сейчас, что дурное предчувствие меня обманывает.

Я прощупал ее чемодан. Все в нем было аккуратно сложено или скатано. Одежда. Туалетные принадлежности. Запасные патроны к пистолету. Запасной протез. Парик блондинки. Очки с простыми стекляшками. Санитарный пакет. Ничего такого, что бы говорило о том, что она душит мне голову. Проверил под матрасом. Вдоль швов на занавесках. Под диваном. Так ничего и не нашел. Я решил было сесть, посидеть и подумать, но остановился. Выход из положения, в котором я оказался, был очевиден. Надо поскорее валить отсюда. Бросить все и уйти

---

¹⁶ *Джон Праймер* – американский исполнитель блюза, певец, гитарист, автор песен.

¹⁷ *Мадди Уотерс* (1915–1983) – американский блюзмен, считается основоположником чикагской школы блюза.

¹⁸ *Мэджилом Слимом* (1937–2013) – американский блюзовый певец и гитарист.

не оглядываясь. И не сомневаясь. Но тогда весь наш план коту под хвост. Исполнить его могут только двое. Одна Фентон ни за что не справится.

Я шагнул к двери. И снова остановился. Если Фентон не доберется до Дендонкера, что она станет делать? Я представил ее себе с пистолетом у виска. Еще раз. И эта картинка мне не понравилась. Совсем не понравилась. Так что я снова вернулся на диван и молча стал ждать.

Звук ключа в замке я не услышал. Лишь негромкий щелчок, когда уже минуло семьдесят две минуты. Дверь распахнулась, и на пороге появилась Фентон.

– Думаю, наживку они заглотили, – сказала она и посмотрела в мобильник. – Подтверждения еще нет. Пока я ждала этого типа, времени даром не теряла. Заказала фальшивую кровь и все остальное, что нам понадобится. И срочную доставку. Утром все окажется здесь. Будем надеяться, что встречу они назначат не на сегодняшний вечер.

Я согласился. Но надеялся не только на это. Нам оставалось решить еще две проблемы. И мне хотелось, чтобы и дальше все шло, как идет.

Глава 11

Фентон переделалась в синюю шелковую пижаму и забралась в постель. А я, не раздеваясь, растянулся на диване. Она закрыла глаза маской для сна и лежала не двигаясь. Но не думаю, что вот так взяла и сразу уснула. Дыхание оставалось неровным. И слишком частым. Поверхностным. И напряженным.

Я лежал с открытыми глазами. Прошло несколько часов, но я тоже все никак не мог уснуть. Что-то все-таки меня беспокоило. Я никак не мог понять, что именно, но где-то в глубине сознания словно мигал красный предупредительный сигнал. И никак не давал мне успокоиться. Около четырех утра я наконец задремал. Проснулся в семь часов. Разбудила меня Фентон – позвала по имени. Она еще оставалась в постели, но уже не лежала, а сидела. Маска сдвинута на лоб. Волосы растрепаны. Фентон протягивала мне свой мобильник.

– В одиннадцать вечера, – хриплым голосом проговорила она. – Сегодня. Хотят с тобой встретиться. У нас получилось.

Не так я рассчитывал начать этот день. Не сплю уже целых пятнадцать секунд, а у нас решена еще только одна проблема.

– Тебе бы лучше сейчас ответить, – сказал я. – Напомнить, мол, буду один, без оружия и за информацию плачу наличными.

Фентон поковырялась в мобильнике. Через минуту в нем пискнуло.

– Отлично. Они согласились.

Прошла еще минута, и мобильник Фентон издал совсем другой звук. Пришло текстовое сообщение. Фентон прочитала его и протянула мобильник мне, чтобы я тоже посмотрел.

– Все, сожрал с потрохами. Это правая рука Дендонкера. Говорит, чтобы нынче вечером я была готова к работе.

Фентон откинулась на подушки и принялась тыкать пальцем в мобильник.

– Отлично. Я поискала здесь поблизости судмедэкспертов. Нашла только одно имя. Некий доктор Улье. Такое впечатление, что он тут единственный врач на все случаи жизни. Работает в медицинском центре. Большое здание в центре города. Подождем, когда нам доставят заказ, и отправимся к нему. Это должно быть еще до полудня. У нас будет куча времени.

– Вдвоем идти нельзя, – сказал я и сел на диване. – Доставка... Надо ведь будет расписаться?

Фентон кивнула.

– Лучше, если это сделаешь ты. А я пойду поговорю с доктором, – сказал я.

Фентон еще раз поколдовала с мобильником и заказала завтрак. Я принял душ. Услышал стук в дверь, когда уже одевался, а выйдя из душевой, сразу учуял запах кофе. Просто великолепно. С первой утренней чашкой кофе ничто не может сравниться. Фентон заказала также буррито¹⁹. Завтракали мы молча. Потом я собрал бумажные тарелки, взял темные очки, которые забрал у мужика возле «Дерева», и двинулся к двери.

– А пистолет что, не берешь? – спросила Фентон с явным беспокойством в голосе.

– Я иду в муниципальное учреждение, – ответил я. – Там могут стоять металлоискатели.

– В этом городишке? Вряд ли.

– Все равно рисковать не стоит. Да он мне и не понадобится. Если врач правильный, я уговорю его помочь нам. А если прикормленный Дендонкером, у меня есть кое-что поубедительнее пистолета.

---

¹⁹ *Буррито* – мексиканское блюдо; тонкая лепешка, в которую завернута разнообразная начинка.

Я вышел из номера, пересек двор и прошел под аркой, через которую сюда зарулила Фентон. Утро было прекрасное. Для пешей прогулки лучше не придумаешь. Солнце светило ярко, но было совсем не жарко, как раз то, что надо. Еще не совсем развеялись остатки прохлады, принесенной ветерком из ночной пустыни. Небо было столь чистое и столь голубое, что, если изобразить на картине, никто не поверит, что такое бывает. Домишки, выстроившиеся по обе стороны узеньких извилистых улочек, казались старыми и довольно убогими. Словно много лет назад они выросли здесь вдоль тропинок, по которым еще ходили люди со своими осликами и мулами, да мало ли еще какими запряженными в тележки животными. Никакой отчетливой планировки. Без затей. Я представил себе, как живут здесь эти люди, как ходят на работу, растят детей. Посмотрел на крыши этих домиков. Кое-где виднелись телевизионные антенны, но вот мачт сотовой связи нигде не было видно. Это лишь усиливало впечатление, что прогресс прошел мимо этого городка. Похоже, многие десятилетия здесь ничего существенного не менялось. Если не считать прибытие сюда Дендонкера.

Большое, крепкое здание медицинского центра из светлого камня я нашел без особых проблем. Строили его люди, которые, видно, гордились своей работой. Это сразу бросалось в глаза. Здесь трудились настоящие мастера своего дела. Это становилось ясно, стоило только взглянуть на двери и окна, оконные перемычки, – видно было особенное внимание строителей к каждой мелочи, к деталям, нюансам. Я ступил внутрь и на полированном белом полу увидел изображение богато украшенного посоха Гермеса²⁰. Прямо над ним висела большая лампа в виде глобуса. Потолок был здесь сводчатый. Он был расписан сценами из истории медицины, начиная от пещер и заканчивая больницами и госпиталями, построенными где-то незадолго до начала Второй мировой войны. По своему стилю это здание могло бы быть дворцом правосудия или публичной библиотекой. Но стоило только закрыть глаза, и уже не возникало никаких сомнений в том, что ты находишься именно в больнице. Этот запах невозможно спутать ни с чем другим.

В приемном покое не было ни души. Стоял письменный стол, сработанный из дорогой древесины тика. В результате многолетней полировки поверхность его блестела. С одной стороны на нем лежал закрытый ноутбук вместе с кожаной папкой и отрывным блокнотом. На стенке висел указатель помещений и служб. В рамке, сделанной под старину, с белыми буквами, которые эффектно выделялись на фоне дорогого материала бордового цвета. Морг в указателе упомянут не был. Вероятно, рекламировать это место медики не очень любят.

Я прошел в дверной проем сбоку от стола. Он вел в коридор с рядом простых деревянных дверей. Каждая дверь имела свой номер, но табличек на них не было. В конце коридора обнаружилась лестница, ведущая вниз. Я стал спускаться. Отчасти потому, что в указателе перечислялись палаты, амбулатории, процедурные и везде был указан этаж. Но отчасти и потому, что чутье подсказывало. Мне казалось, что тела умерших более уместно хранить ниже уровня земной поверхности.

Я вышел в еще один коридор. Ярко освещенный. На потолке сияли близко, один к другому, подвешенные светильники с тройными флуоресцентными трубками. Но дверь здесь была только одна. И на ней висела табличка с надписью «Морг». Я подошел к этой двери и услышал за ней голос. Мужской. Сначала мне показалось, что там находится не один человек. Всех слов разобрать не удалось, но, прислушавшись к этой затейливой манере говорить, я понял, что человек там один. Он просто диктует. Вероятно, записывает какие-то врачебные заметки. На диктофон или другой аналогичный прибор. Я поднял руку, собираясь постучать. Но остановился. Подумал, что самое время посмотреть в лицо фактам.

---

²⁰ *Посох Гермеса* – кадуцей, или керикон; жезл, обвитый двумя змеями, часто с крыльями на навершии. Его появление в Античности связывали с мифом об Аполлоне и Гермесе. Согласно мифу Аполлон в знак примирения с братом подарил тому свой волшебный посох.

Что бы я ни сказал этому врачу, от этого ничего не изменится.
Я повернулся, двинулся обратно к лестнице, поднялся по ней и вышел на улицу.

Глава 12

Добравшись до «Пегой лошади», я прошел мимо. Мне было любопытно просто посмотреть на это кафе. В названии его явно звучала тема скачек. Что выглядело несколько несурово, учитывая окружающие здания. Не найдя в этом ничего для себя интересного, я двинулся дальше по улице и наткнулся на столовую. Поменьше. Поскромней. Зашел, заказал два черных кофе с собой и понес их в гостиницу. Постучал в дверь, Фентон тут же рывком открыла.

– Ну что? – спросила она, захлопнув дверь. – Рассказывай.

Я вручил ей кофе. На кровати лежали мешочки с фальшивой кровью, миниатюрные взрыватели и материалы для имитации ран. Рядом ее пистолет. На ночном столике стоял стакан, полный патронов.

– Поменяла на холостые?

– Да, – кивнула она. – Что с медэкспертом? Как все прошло?

В нашем положении лучше использовать холостые патроны. Но если стрелять с близкого расстояния, они тоже представляют опасность. Приставь ствол к голове, нажми на спусковой крючок – струя газа может оказаться фатальной. Уж я-то знаю. Расследовал два таких случая, когда служил в армии. Один устроил какой-то придурок, который валял дурака и в конце концов доигрался. Второй... но это совсем другая история.

Я поставил кофе на стол.

– Послушай, Микаэла, нам с тобой надо кое о чем поговорить. Точнее, о нашем плане. Он у нас не сработает. Надо придумать план Б.

– Что, этот медэксперт отказался помочь?

Фентон с такой силой опустила стаканчик на ночной столик, что сквозь щель в крышке выплеснулся кофе.

– Но почему? – продолжила она. – В чем проблема? Плохо надавил?

– Не стану тебя обманывать. Я с ним вообще не говорил. Не было смысла. В нашем с тобой плане слишком много других дыр. Он вообще провальный. Надо разработать альтернативный.

– Ты же сам сказал, что перед нами стоят три проблемы. Создать угрозу, сфабриковать твою смерть и обработать судмедэксперта. С первой и второй я разобралась. Неужели по третьей ты пошел на попятную? Не могу поверить. Чувствовала я, надо идти мне самой. Нельзя посылать мужчину делать женскую работу. Ладно, сейчас прямо и схожу. И все улажу.

Фентон потянулась за пистолетом. Я преградил ей дорогу.

– Не важно, кто станет с ним говорить, ты или я. Или вообще никто. Результат будет тот же самый. Этот человек либо сидит на зарплате у Дендонкера, либо нет. Он может быть или расположен к нам, или нет. Его можно убедить, запугать или подкупить. Но в любом случае гарантировать результат нельзя. Даже если он согласится нам помочь, можно ли ему доверять? А что, если он возьмет и передумает? Что, если испугается? Скажет, моя хата с краю? Как поведет себя Дендонкер? Вдруг ему вздумается проткнуть чем-нибудь труп? То есть меня? Возьмет и воткнет в меня какую-нибудь штуку? Всадит в меня нож? Отрежет мне что-нибудь? Или прострелит?

Фентон молчала.

– И вряд ли Дендонкер придет один. Сколько он приведет с собой своих головорезов? С каким оружием? И кто еще будет в этом здании?

Фентон пожала плечами.

– И если мы все-таки схватим его, что станем делать дальше? – продолжил я. – Нам понадобится время, чтобы помочь ему во всем признаться. Куда мы пойдем? Сколько времени это займет? Где найдем ближайший полицейский участок, когда закончим?

– Я все поняла, – кивнула Фентон и скрестила руки на груди. – И все-таки план мог бы сработать.

– Мог бы. Ничего невозможного нет. Шансы на успех пятьдесят на пятьдесят. Но не больше. С большим риском побочных негативных последствий.

– Я готова пойти на него.

– А я нет. Зачем, если есть другие варианты?

– Других вариантов нет. Мы должны продолжать то, что начали. Ну ладно. Поменяемся ролями. Я скажу им, что заболела. Во время встречи сыграю роль Мики. Притворюсь, что меня застрелили. Меня отправят в морг. А когда Дендонкер придет, сама с ним разделаюсь.

– Ничего не выйдет. Если ты заболеешь, они пошлют к тебе других. И они убьют тебя по-настоящему, если, конечно, ты не убьешь их первой. В общем, ни один из вариантов нас не устраивает.

– Ладно. Тогда ты пойдешь на встречу вместе со мной. Притаишься в засаде и будешь сидеть, пока не явятся все. Выстрелишь в меня холостым, до того как у остальных появится возможность. А раз я уже мертвая, всем будет наплевать, кто стрелял. То есть они подумают, что я мертвая.

– А если они пощупают у тебя пульс?

Фентон ничего не сказала.

– Или стукнут тебя по башке на всякий случай... вдруг ты еще жива?

Фентон открыла рот, но тут же закрыла, не сказав ни слова.

– А почему бы просто не упрятать Дендонкера в тюрьму? – предложил я. – У меня есть знакомый агент федеральной службы. Ему вполне можно доверять. С ним можно работать. Оставаться при этом под прикрытием. Снабжать его ценной информацией. Разве не этому тебя учили?

– Это займет много времени. А нам надо сделать это сегодня. И я придумаю как. С тобой или без тебя.

– Почему это так срочно? Лучший способ почтить память Майкла – не торопиться и сделать все так, чтобы комар носа не подточил. Как, кстати, насчет тех, кто проверял благонадежность Дендонкера? И выдал ему разрешение на въезд в Штаты? У них же там много возможностей. И если они сделали ошибку, то захотят исправить ее. Чтобы избежать позора, а то и чего-нибудь посерьезней.

– Тут дело не только в Майкле. С самого начала не только в нем одном.

– Да? И кто же еще в этом замешан?

– Имен я не знаю. Невинные люди.

– Бывшие военные в команде Дендонкера?

– Нет. Совершенно случайные люди, которых никто не знает.

– Кто же? – спросил я. – И что это за люди, которых никто не знает?

Фентон перевела дух.

– Ричер, тут есть кое-что такое, о чем я тебе не рассказывала. Я знаю, для чего Дендонкеру эти самолеты. Что он собирается в них перевозить. Бомбы.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Эти бомбы изготавливал Майкл.

Глава 13

Фентон сдвинула пакеты с фальшивой кровью в сторону и села на кровать. Поставив локти на колени, подперла ладонями голову. Минуту с лишним сидела не двигаясь. Потом выпрямилась.

– Послушай, Ричер, – сказала она, – я тебя не обманывала. Просто не все рассказала.

– Ну так расскажи сейчас. Если не хочешь, чтобы я передумал.

– Хорошо. Вернемся к тому моменту, когда я ушла из армии. Я стала служить в правоохранительных органах. В ФБР. Оперативным сотрудником. Специализация – обработка свидетельских показаний. Поработала в одном региональном управлении, в другом, довольно успешно, и в результате меня перевели в TEDAC²¹. Знаешь, что это такое?

– Не очень.

– Аналитический центр по работе со взрывными устройствами террористов. Организован, чтобы проводить криминалистические экспертизы прямо на поле боя. Впервые это применили во время Второй войны в Персидском заливе. Наши войска с треском проигрывали войну. И кому-то пришла в голову мысль собрать вещественные доказательства, факты и отослать в Куантико²². Была создана специальная группа, которая занималась анализом всего, что доставлялось с театра военных действий. И там придумали способ, как обнаруживать СВУ – самодельные взрывные устройства. А также способы защиты от них. Как их обезвреживать. И в конце концов смогли даже определять изготовителей этих бомб. Иногда вплоть до конкретных людей. Или фабрики, где их делают. По восстановленным компонентам. А также способы изготовления этих бомб. В этом деле имеет значение все, даже каким манером закручен провод. Работа этой группы была так успешна, что ее расширили и перевели на новую базу в Алабаму. Задачи ее также расширились. Теперь ее миссия распространяется на весь земной шар без ограничения по времени. Они обмениваются информацией с партнерами. С помощью TEDAC были произведены аресты по всему миру. В Лондоне. В Берлине. В Аддис-Абебе. И все это за последние несколько недель. Материальные свидетельства и факты доставляются теперь из многих мест и из все более далекого прошлого. На подходе сейчас, как я слышала, материалы из Локерби, Шотландия. И Йемена. Кое-что уже прибыло из Бейрута, это крупные бомбы, которые использовались в восьмидесятые годы.

Еще один приветик из прошлого. На протяжении многих лет я частенько вспоминал того парня, чья челюстная кость попала мне прямо в живот. И про другого, морячка, погибшего в тот день. Но о вещественных доказательствах я не особо задумывался. Я знаю, что и тогда их исследовали досконально. Собирали и скрупулезно изучали, применяя лучшие на то время средства и методы. Я полагал, что, как только найденные улики и зацепки со всех сторон обнюхают, все, что останется, будет уничтожено. Подчищено. Выброшено на свалку. Или, что еще лучше, сожжено. Я и представить себе не мог, что их станут отправлять в Штаты спустя столько времени после того, как доставили сами тела.

– Существует проект, – продолжила она, – содействия этой работе. Он называется ПМСВ. Программа международных сборов и встреч. Я в ней тоже участвовала. В страны-партнеры посылают специалистов, занимающихся обучением местных. В том числе и в Афганистан. И, учитывая мою квалификацию, меня послали именно туда. И я попала в такое место, которое еще не было до конца зачищено. Это укладывается в классическую тактику «Аль-Каиды». Они

---

²¹ TEDAC (Terrorist Explosive Device Analytical Center) – подразделение ФБР.

²² Куантико – город в США, штат Виргиния, где находится крупнейшая база морской пехоты США, а также различные федеральные ведомства, в частности Управление по борьбе с наркотиками и Академия ФБР.

устанавливают где-нибудь целую кучу взрывных устройств. Иногда открыто. Чаще не очень. Что дальше, объяснять не стоит. Это касается, например, моей ноги.

– Поэтому ты перешла работать в лабораторию?

– Точно. Но в ФБР осталась. Оперативником работать больше не могла, вот мне и дали возможность переqualificироваться. Теперь я специалист по биовосстановлению. То есть была. Я снимала отпечатки пальцев, но по большей части со старых устройств. Обнаруживала волоски и все остальное, что позволяет определить ДНК. Работа однообразная, скучная, но порой бывает и интересно. Например, месяц назад. У нас было дело, связанное с человеком, который когда-то работал в нефтяной компании в Кувейте. Пришла информация о том, что он сторонник иракской «Аль-Каиды». ФБР организовало спецоперацию, записали на пленку, как он хвастался перед одним агентом-нелегалом, что когда-то штамповал бомбы в подвалах Абу-Грейба. Сопоставили даты, обстоятельства, собрали кучу улик, которые тогда еще не были обработаны, и знаешь что? На осколке фугасной мины направленного действия я обнаружила его отпечатки. Меня наградили. А его – на пожизненное. Я была очень довольна результатом. Чего не скажу про свое последнее дело. К нам поступила неразорвавшаяся бомба. А для нас это предел мечтаний. Все сохранилось. Работать с таким материалом одно удовольствие. И здесь было то же самое. Целая куча совершенно очевидных фактов. Во-первых, она найдена на территории Соединенных Штатов, причем сделана у нас, а не была доставлена откуда-то еще. Во-вторых, в ней был чип глобальной системы навигации, благодаря которому, как мы полагаем, террористы могли знать, когда цель близка и бомбу можно взрывать. Но это как запасной вариант. Потому что было кое-что и в-третьих. Спутниковый ретранслятор.

– Не знаю, что это за штука.

– Объясню. Весь процесс состоит из двух частей. Один элемент посылает радиосигнал. Второй его возвращает. Один был в бомбе. А второй должна нести сама цель. Причем об этом никто не знает. Думаю, он и есть главное спусковое устройство.

– А что, если какое-то другое устройство пошлет такой сигнал и спровоцирует взрыв?

– Так это не работает. Каждая пара имеет свой код. Если код не совпадает, ничего не происходит. Думаю, именно поэтому бомба и не взорвалась. Вероятно, второй элемент ретранслятора не находился в пределах досягаемости первого, до того как бомбу обнаружили. К счастью. Иначе погибло бы много народу. И не обнаружили бы еще кое-что. Отпечаток пальца. Прямо на самом ретрансляторе. И его доставили мне для идентификации.

– И чей он оказался?

– Майкла.

– И что ты стала делать?

Фентон секунду молчала. Глядела в пол. Потом посмотрела на меня.

– Что стала делать... Само собой, меня это потрясло. Я еще раз проверила отпечаток. И еще раз. Но все было верно. Отпечаток принадлежал Майклу.

– А могло ли...

– Тут есть еще кое-что. Мне также доставили меню из «Пегой лошади», чтобы я его осмотрела. На нем не было ничего написано. Я это сама придумала, чтобы не рассказывать про бомбу. И еще презерватив. В пакетике, запечатанный. Я понятия не имела, зачем еще он. Может быть, для того, чтобы, если попадутся на глаза Дендонкеру и его ребятам, все нарочно выглядело бы так, будто эти предметы никак между собой не связаны? Короче, я подумала, что Майкл раскаивается. Хочет бросить это дело. Завязать. Он же знал, где я работаю. Знал, чем я занимаюсь. И понимал, что я обязательно найду его отпечатки. А этот отпечаток был очень уж отчетливый. Так не часто бывает. В наше время изготовители бомб вообще работают в перчатках, они прекрасно понимают, на что мы способны. В общем, я очень испугалась... Гордиться тут нечем, конечно... но я уничтожила отпечаток. И ретранслятор. И меню из «Пегой лошади».

А сама уволилась по собственному. Остальное ты знаешь. Все, что я тебе сейчас рассказала, правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.